

ПЕПЕЛ ПЕРВОЙ ЗАРИ

— ВАЛЬ-РЕЙНСКАЯ ТАЙНА —

СЕРИЯ СОДЕРЖИТ ПЕН
НЕЦЕНЗУРНУЮ
КАТ. БРАНЬ АДРИАН ЛОРЕН

18+

Элени Келли

Пепел Первой Зари

«Автор»

2026

Келли Э.

Пепел Первой Зари / Э. Келли — «Автор», 2026

У магии нет чудес — лишь цена, которую платят теплом, кровью или жизнью. Десять лет Селена Валлен живет с клеймом дочери казненного изменника. Но когда старшего пробирера находят обращенным в прах в запертом свинцовом хранилище, привычный мир рушится. Вместе с капитаном пограничного дозора Адрианом Лораном Селена раскрывает чудовищный заговор верхушки: древний накопитель готов сжечь сотни тысяч жизней ради вечной энергии. Чтобы спасти город, ей придется разгадать тайну, оставленную отцом прямо под кожей.

© Келли Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31

Элени Келли

Пепел Первой Зари

Глава 1

Дождь над Валь-Рейном шел третьи сутки, тяжелый, серый, пахнувший угольной гарью и прелой листвой предгорий. Вода струилась по черным базальтовым желобам особняков Верхнего Предела, срывалась с клювов каменных гаргулий и бурлящими мутными потоками устремлялась вниз, в ремесленные трущобы, где мостовые превращались в непролазную глиняную жижу. Ноздри забивал знакомый до тошноты дух осеннего города: сырая шерсть, дешевый торфяной дым и едва уловимый, острый металлический привкус эфирной взвеси, вечно висящей в воздухе над мануфактурами.

Селена Валлен стояла под сводчатым навесом гильдейского дома Пробиреров и методично разминала затекшие пальцы правой руки. Кожаная перчатка промокла насквозь, холод медленно, но неотвратимо подбирался к суставам. Левая ладонь привычно лежала на плотной сумке из вошеного брезента, прижатой к бедру. Там, среди мягких бархатных гнезд, покоились стеклянные пробирки с азотными растворами, серебряные пинцеты, полированные пластины латуни и набор тонких щупов из памяти-стали — все то, что составляло ее нехитрый арсенал арканического оценщика.

— Если мы простоим здесь еще хоть четверть колокола, клянусь всеми созвездиями Семи Разломов, у меня начнется воспаление надкостницы, — раздался из темноты тихий, скрипучий голос. Лука поправил на плечах тяжелый суконный плащ с промасленной пелеринной и шмыгнул носом. Под его глазами залегли сизые тени — признак трех бессонных ночей в прозекторской городского анатомического покая. — Селена, скажи мне на милость, почему почтенные старшины гильдии непременно должны умирать в самый собачий холод и обязательно до полуночи?

— Потому что яд, кинжал и чужая жадность не сверяются с расписанием твоих приемов, Лука, — не оборачиваясь, отозвалась Селена. Ее голос звучал ровно, чуть глуховато из-за поднятого воротника куртки. — К тому же, пробирер не просто умер. Если верить дежурному посыльному из Судебного Сыска, магистра Кауфмана нашли в собственном запертом хранилище. И сторожевые руны на дверях не сорваны.

Лука присвистнул, выпуская изо рта облачко белого пара. Циничный блеск в его глазах на мгновение уступил место живому профессиональному интересу.

— Запертое хранилище Палаты Мерила? Стены в три фута гранита, свинцовая прокладка против эфирного прослушивания и кодовый замок с поворотными дисками из рунного турмалина? Забавно. Либо старик сам решил свести счеты с жизнью самым неудобным из возможных способов, либо мы имеем дело с кем-то, кто умеет проходить сквозь плотный камень, не тревожа пылинок.

— Сквозь свинец не пройдет ни один эфирный поток, ты прекрасно это знаешь, — отрезала Селена, проверяя ремешок ножен. Узкий, граненый клинок-кончар, висевший у нее под полкой плаща, тихо звякнул о медную бляху поясного ремня. — Физику эфира еще никому не удавалось обмануть безнаказанно. Если бы кто-то попытался прожечь свинцовую прокладку чарами, температура внутри помещения поднялась бы до плавления бронзы, а самого мага размазало бы термодинамической отдачей по внешнему коридору. Но коридор, как доложили, чист.

Тяжелые кованые ворота гильдейского двора со скрежетом подались назад, прервав их спор. Из-за створок выступили двое дозорных в стальных нагрудниках с выбитым гербом

Городской Стражи — оскаленной головой грифона над зубчатой стеной. Их алебарды с глухим металлическим щелчком скрестились, перекрывая проход.

— Назовитесь, — пробасил старший, чей оплечник был покрыт крупными каплями воды. Свет факела, шипящего под дождем, выхватил из тьмы его настороженное, обветренное лицо.

— Судебный Сыск, отдел арканической экспертизы. Младший оценщик Валлен и помощник прозектора Мортен, — Селена достала из внутреннего кармана медный жетон на цепочке, тускло блеснувший гравировкой судебных весов. — Нас вызвал пристав третьей сотни.

Стражник прищурился, вглядываясь в черты ее лица. Взгляд его скользнул по бледной полосе старого ожога, выползавшего из-под воротника на ее шею — белесому, витиеватому следу перенесенного когда-то удара эфирной дуги. В глазах стражника мелькнула смесь суеверной настороженности и привычного служебного презрения к судебным ищейкам.

— Пропусти, Бруно, — раздался из глубины мощеного двора спокойный, звучный голос. — Они по моему распоряжению.

Из тени галереи неторопливо шагнул высокий мужчина. Широкий офицерский плащ из темно-синего сукна был расстегнут, открывая безупречно начищенный панцирь и рукоять длинного прямого меча с простым железным перекрестьем. Капитан Адриан Лоран выглядел так, словно промозглая ночь и трехдневный ливень вовсе не касались его: прямая осанка, спокойные, внимательные янтарные глаза под густыми бровями и короткая полоска глубокого шрама, рассекавшего левый висок у самой кромки темных волос.

— Капитан Лоран, — сухо кивнула Селена, ступая на скользкие плиты двора. Вода мгновенно захлупала под тонкими подошвами ее рабочих сапог. — Не знала, что Дозорный Корпус теперь берет на себя рутинную работу ночных караулов.

— Когда в Верхнем Пределе гибнет старший пробирер короны, отвечающий за пробу всей поступающей в княжество стигмы, рутина заканчивается, госпожа Валлен, — невозможно парировал Адриан. Он не сводил с нее взгляда, и в этом взгляде Селена не увидела ни снисходительности, ни чиновничьего высокомерия, столь привычного для офицеров его круга. Скорее — трезвую оценку инструмента, который ему предстояло использовать. — Архиепископия уже поставлена в известность. У нас есть от силы два часа до того, как сюда явятся следователи Палаты Мерила и опечатают здание. Если гильдия скрывает хищение или мелефиций, мы должны зафиксировать это первыми.

— Значит, вы хотите опередить церковных инквизиторов? — криво усмехнулся Лука, поравнявшись с ними. — Похвальное рвение, капитан. Главное, чтобы потом наши головы не украсили пики на Северных Воротах рядом с головами еретиков.

Адриан лишь мельком взглянул на молодого прозектора, но в уголке его рта дрогнула тень сдержанной усмешки.

— Если вы будете работать так же быстро, как говорите, господин Мортен, наши головы останутся на плечах. Следуйте за мной.

Они миновали парадный вестибюль, отделанный темным дубом и гобеленами с изображениями первых рудознатцев, и спустились по узкой винтовой лестнице в нижний ярус цоколя. Здесь воздух разительно переменялся: сырость отступила перед тяжелым, сухим духом застарелой известки, раскаленного металла и горького миндального масла, которым смазывали механизмы тяжелых затворов.

У массивной железной двери, врезанной прямо в гранитный монолит скалы, замерла четвертая фигура. Женщина в плотно подогнанной куртке из вываренной буйволиной кожи опиралась спиной на косяк, лениво покручивая в длинных пальцах граненый арбалетный болт. Ее пепельно-серая кожа, тонкие, чуть заостренные кверху уши и узкие, вертикальные зрачки без труда выдавали кровь сейдари. За плечом у нее покоился компактный, но мощный арбалет с плечами из закаленной вороненой стали.

— Опоздали на двадцать минут, Адриан, — произнесла она тихим, певучим голосом, в котором отчетливо сквозило легкое шипение, свойственное ее народу. Ее холодные желтоватые глаза скользнули по Селене и с легким прищуром остановились на Луке. — Надеюсь, лекарь прихватил с собой побольше уксуса. Внутри воняет так, будто в закрытой бочке протушили корзину болотных гадюк.

— Лейтенант Ивейн, — представил ее Адриан. — Мой заместитель по следопытам. Госпожа Валлен — оценщик Сыска, господин Мортен — анатомический надзор. Ивейн, замок открывали?

— Нет, — сейдари качнула головой, убирая болт в набедренный колчан. — Ждали вас. Ключ у старшего эконома, но сам замок заперт изнутри на задвижку внутреннего контура. Мы заглянули в смотровой глазок. Кауфман там. Вернее то, что от него осталось.

Селена подошла к двери вплотную. Привычный холодок сосредоточенности вытеснил усталость и озноб. Она сняла перчатки, сунув их за пояс, и осторожно провела кончиками пальцев по тяжелому металлу вокруг замочной скважины. Кожа на кончиках ее пальцев была тонкой, покрытой мелкими рубцами от кислотных ожогов — расплата за годы лабораторных опытов, но именно эта чувствительность позволяла улавливать то, что ускользало от обычного взгляда.

— Свинец чист, — вслух отметила она. — Снаружи не было направленного резонанса. Рунные дорожки холодные. Никакого температурного следа.

— А глазок? — спросил Адриан, наблюдая за ее движениями.

Селена наклонилась к узкой латунной прорези, отодвинула тяжелую заслонку и заглянула внутрь. Замкнутое пространство хранилища освещалось единственным аварийным кристаллом люминофора, тускло мерцавшим зеленоватым фосфорным светом под потолком. Комната размером пять на шесть шагов была лишена окон. Вдоль стен тянулись железные стеллажи с инвентарными слитками очищенного серебра и свинцовыми ларцами для хранения стигмы.

На полу, прямо посреди аккуратно выложенных каменных плит, сидело тело.

Человек застыл в неестественной, скрюченной позе, привалившись спиной к тяжелому несгораемому шкафу. Его руки были сведены судорогой к горлу, пальцы скрючены, словно когти хищной птицы. Но ужас внушала не поза. Кожа магистра Кауфмана потеряла всякий пигмент, став полупрозрачной, тускло-серой, похожей на пергамент, вымоченный в щелочи. Сквозь нее отчетливо просвечивали абсолютно сухие, ломкие вены, напоминавшие черные ветви зимнего кустарника. На полу вокруг тела не было ни капли крови, ни следов борьбы. Лишь тончайший, ровный слой серовато-белого пепла, рассыпанного правильным кругом радиусом ровно в три локтя.

— Великие Разломы... — пробормотал за ее спиной Лука, тоже заглянувший в щель через ее плечо. Его обычная насмешливость испарилась без следа. — Он не задохнулся. Из него... буквально выкачали всю клеточную влагу за несколько секунд. Такое бывает только при мгновенном термическом выгорании, но одежда цела! Посмотри на его камзол — даже бархат не обуглился.

— Это не огонь, — глухо сказала Селена. В ее груди зародилось знакомое, тянущее чувство тревоги. Старый шрам на ключице внезапно отозвался тонким, едва заметным зудом — предвестником скрытого арканического фона. — Это резонансная дегидратация. Так работает энтропийная тяга высшего порядка. Открывайте дверь, капитан. Нам нужно подойти ближе.

— Задвижка заперта изнутри, — напомнила Ивейн, скрестив руки на груди. — Ломать гранитный короб кованого косяка — это три часа работы кузнечным кайлом. К тому моменту сюда прибудет весь синод архиепископа.

— Ломать не придется, — спокойно ответила Селена. Она опустилась на одно колено перед массивной скважиной и расстегнула боковой карман своего брезентового подсумка.

Ее пальцы извлекли узкий футляр из полированной кости. Внутри лежали три тонких металлических щупа, выкованных из особого сплава железа, меди и микроскопических крупиц стигмы — так называемой памяти-стали. Этот редкий металл обладал уникальным свойством: при комнатной температуре он оставался гибким, как сыромятный ремень, но стоило пропустить через него слабое тепловое колебание, как он мгновенно восстанавливал заранее заданную при закалке форму жесткого рычага.

Селена выбрала средний щуп, осторожно изогнула его петлей и протолкнула в узкий зазор между притвором двери и коробкой, нащупывая внутреннюю бронзовую щеколду.

— Интересная вещица для скромного оценщика судебного ведомства, — негромко заметил Адриан. Он стоял совсем рядом, так близко, что Селена чувствовала сухое тепло, исходявшее от его шерстяного плаща, и слабый запах полынной настойки, смешанный с ароматом оружейного масла.

— Мой отец был лучшим ювелиром-механиком в гильдии, капитан, — не отвлекаясь от работы, отозвалась она. Голос ее остался бесстрастным, хотя упоминание об отце всегда отзывалось глухой болью под ребрами. — Он учил меня, что замок — это просто застывшая механическая загадка. И у каждой загадки есть уязвимость в плече рычага.

Она нащупала язычок задвижки. Щуп скользнул под металл, но упругости гибкой полосы не хватало, чтобы сдвинуть тяжелый засов. Селена задержала дыхание. Сосредоточившись, она направила крошечный импульс эфира по собственным меридианам руки — едва заметную искру внутреннего тепла, не превышающую температуру горячей чайной чашки. Металл щупа отозвался мгновенно: полоса памяти-стали с глухим звоном выпрямилась, став жесткой, как закаленный рельс, и с силой толкнула задвижку в сторону.

Внутри механизма что-то тяжело щелкнуло.

— Готово, — выдохнула Селена, поднимаясь на ноги. Пальцы ее левой руки на секунду онемели от легкой термодинамической отдачи — закон сохранения не прощал даже крошечной магии, забрав крохи тепла из ее собственной ладони. Она незаметно сжала кулак, возвращая кровоток.

Ивейн с легким удивлением приподняла тонкую бровь, а Адриан лишь молча шагнул вперед и толкнул тяжелую кованую дверь плечом.

Створка медленно, с протяжным гулким стоном распахнулась внутрь. Из хранилища пахнуло волной спертого, неестественно сухого воздуха. В нос ударил резкий запах озона, жженого кремния и сладковатый, тошнотворный дух разложившихся солей — запах, который ни Селена, ни Лука не могли спутать ни с чем другим.

— Не наступайте на круг, — предостерегла Селена, первой переступая порог. — Никаких резких движений. Если здесь осталась нестабильная ловушка, она может сдетонировать от изменения давления воздуха.

Она достала из подсумка круглую латунную пластину, покрытую тонким слоем полированного серебра, и опустила ее на кончик длинного щупа, приблизив к телу магистра Кауфмана. Серебряная поверхность мгновенно подернулась радужными разводами, а затем потемнела, словно ее обдали концентрированной кислотой.

— Реакция замещения, — констатировала Селена, поворачиваясь к Луке. — Лука, взгляни на его шейные сосуды.

Прозектор надел плотные кожаные перчатки, достал из своего саквояжа узкий серебряный ланцет и осторожно присел на корточки рядом с трупом, стараясь не касаться коленями рассыпанного белого порошка. Его лицо стало предельно сосредоточенным, маска праздного шутника окончательно спала.

— Невероятно... — прошептал Лука, кончиком лезвия приподнимая воротник шелковой сорочки погибшего. — Ткани полностью мумифицированы. Кожа плотная, как подошва старого сапога, но ломкая. Взгляните сюда, капитан.

Адриан наклонился, внимательно вглядываясь туда, куда указывал ланцет. На правой стороне шеи погибшего, прямо над сонной артерией, темнела крошечная, не больше булавочной головки, багровая точка. Вокруг нее радиально расходились тончайшие кристаллические иглы, вросшие прямо в плоть — они переливались под светом фосфорного фонаря тусклым синеватым блеском.

— Что это? — спросил капитан, и в его голосе впервые прозвучало глухое напряжение. — Его отравили?

— Хуже, — ответила Селена. Она опустилась на колено рядом с телом, не обращая внимания на холод каменных плит, и достала из кармана увеличительное стекло в медной оправе. — Это кристаллический зародыш. Кто-то ввел ему под кожу микроскопическую крупницу стигмы особого состава. Не природный кристалл, нет. Природная стигма требует внешнего заземления и резонансного проводника. Это... синтетический концентрат.

— Серая Стигма? — тихо спросила Ивейн от двери. Ее вертикальные зрачки расширились до предела, заполнив почти всю радужку. В голосе полукровки-сейдари прозвучал неподдельный страх — редкое чувство для бесстрашного следопыта пограничья. — Этого не может быть. Формула была утеряна во время восстания в Карак-Море. Архиепископия сожгла все трактаты сорок лет назад.

— Очевидно, сожгли не все, — Селена осторожно пинцетом скользнула к шее мертвеца, но не стала прикасаться к кристаллу. — Посмотрите на механизм действия. Зародыш начал расти внутри сосуда, используя железо и воду крови как топливо для роста решетки. Чтобы напитать структуру, кристаллу потребовался колоссальный объем эфирной энергии. Он начал высасывать ее из собственного тела жертвы. Кауфман сторел изнутри за три, максимум четыре секунды. Вся вода его тела ушла на реакцию кристаллизации, а жизненный эфир был поглощен ядром.

— А где само ядро? — спросил Адриан, окинув взглядом комнату. — Если кристалл рос, поглощая энергию, здесь должен лежать массивный камень размером с кулак.

Селена медленно подняла глаза на пустые железные полки над телом. Полки были пусты. Лишь слабый след от квадратного основания тяжелого предмета виднелся на толстом слое пыли.

— Его забрали, — произнесла она. — Кристалл вырастили в живом человеке, как в инкубаторе, зарядили его до предела жизненной силой пробирера, затем аккуратно извлекли через сонную артерию и унесли. Вот почему здесь эта точка — это не место укола, это след надреза, сделанного тончайшим инструментом уже после смерти.

— Постой, — вмешался Лука, нахмурившись. — Ты говоришь — унесли. Но дверь была заперта изнутри на механическую бронзовую щеколду! В комнате нет окон, нет вентиляционных шахт, кроме узкого решетчатого дымохода под самым потолком, куда не протиснется даже кошка. Как убийца покинул хранилище?

В хранилище повисла тяжелая, гулкая тишина. Лишь мерное падение капель конденсата где-то в углу отсчитывало секунды. Все четверо прекрасно понимали чудовищную логику ситуации: чтобы запереть дверь изнутри обычным способом, убийца должен был оставаться внутри. Но внутри был только мертвец.

Адриан выпрямился во весь рост. Его рука машинально легла на эфес меча, пальцы привычным жестом сжали полированную кожу оплетки.

— Если убийца не выходил через дверь, значит, он либо все еще здесь... либо способ покинуть эту комнату не оставляет следов на камне.

— Здесь никого нет, капитан, — тихо сказала Ивейн, пригнувшись к воздуху. — Мои глаза видят тепло. В этой комнате только четыре живых источника: мы с вами. Даже мыши под полом сдохли от эфирного удара.

Селена не слушала их. Она медленно поднялась на ноги, подошла к узкому дымоходу в углу и внимательно осмотрела каменную кладку вокруг вытяжного отверстия. Решетка была выкована из толстых железных прутьев, наглухо вмурованных в гранит. Но на одном из нижних прутьев ее острый взгляд заметил едва различимую царапину — свежий, яркий скол оксидной пленки на темном металле.

Она протянула руку, провела пальцем по царапине и поднесла подушечку пальца к носу.

— Машинное масло высокой очистки, — прошептала она. — С добавлением графита. Таким смазывают только прецизионные шестерни башенных часов или... сложные заводные приводы арканических автоматов.

Она резко повернулась к двери, вглядываясь в щель затвора, которую только что открыла собственным щупом из памяти-стали.

— Он не выходил сквозь стены, — глаза Селены сверкнули холодным торжеством чистого дедуктивного вывода. — И он не растворялся в воздухе. Убийца вообще не заходил в эту комнату в момент смерти Кауфмана.

Адриан шагнул к ней, его брови сошлись на переносице:

— Объясните, Валлен.

— Кауфман заперся сам, как делал это каждый вечер перед ревизией слитков. Но капсула с кристаллом была подброшена в его вещи заранее — возможно, в перстень, в карманный хронометр или в табакерку. Когда механизм сработал, игла пробила кожу. Пока старик умирал, в вентиляционную трубу опустили тонкий манипулятор на тросе из того самого сплава, который использовала я — из памяти-стали. Он срезал созревшее ядро, втянул его наверх, в дымоход, а затем дернул задвижку двери изнутри с помощью гибкой тяги, чтобы инсценировать невозможное преступление и направить следствие по ложному следу мистического малефиция!

— А дымоход, — быстро подхватила Ивейн, вскинув голову, — выходит прямо на крышу восточного крыла гильдии. Туда, где стыкуются кровли ремесленного квартала и посольского подворья.

— Лука, заканчивай протокол первичного осмотра, — приказал Адриан, и его голос зазвучал отрывисто и властно, как на плацу перед боем. — Тело опечатать, никого из гильдейских не впускать до прихода судебной повозки. Ивейн — со мной на крышу. Нужно проверить вытяжную трубу, пока дождь не смыл следы графита и шагов.

Он повернулся к Селене. Их взгляды встретились на расстоянии полушага. В полумраке хранилища его янтарные глаза казались темными, почти золотыми.

— Вы идете с нами, госпожа Валлен. Ваше умение видеть детали нам сейчас понадобится больше, чем десяток дозорных с факелами.

Селена на секунду замаялась. По протоколу Сыска она должна была остаться с прозектором, оформить опись и дожидаться старшего следователя в канцелярии. Но инстинкт — тот самый инстинкт гончей, который когда-то стоил жизни ее отцу, но держал на плаву ее саму — требовал одного: идти по свежему следу, пока он не остыл.

— Дайте мне две минуты, капитан, — спокойно ответила она, затягивая ремни на сумке с инструментами. — Возьму пробы пепла и догоню вас на лестнице.

Адриан коротко, едва заметно кивнул — в этом жесте было уважение равного к равному, без тени снисхождения к ее сословию или полу. Развернувшись, он быстрым шагом направился к выходу, бросив на ходу Ивейн:

— Взведи арбалет, лейтенант. Если тот, кто вырастил эту дрянь, еще крутится на чердаках, живым он нам нужен только до первого допроса.

Дверь гулко захлопнулась, оставив Селену и Луку в мерцающем фосфорном свете над телом мертвого пробирера. Впереди была долгая, холодная ночь, и оба они понимали: запертая комната была лишь первой ладьей, сброшенной с доски в чужой, смертельно опасной игре.

Глава 2

Глава 2. Холодный металл и горячая кровь

Лестница на кровлю восточного флигеля напоминала каменный колодец: узкие клиновидные ступени, покрытые влажным налетом лишайника, круто уходили вверх, огибая глухую стену старой дозорной башни. Шаги Адриана отдавались мерным глухим звоном кованых набоек о гранит; Ивейн скользила следом совершенно неслышно, словно тень, и только легкое трение воощенной тетивы арбалета о кожаный ремень выдавало ее присутствие.

Селена поднялась последней, придерживая свободной рукой тяжелую полевую сумку. Пробирка с серым пеплом, снятым с пола у тела магистра Кауфмана, глухо стукалась о флакон с концентрированным аммиаком. На шее, под влажным воротом рубахи, не переставая тлел навязчивый зуд. Ожог — подарок эфирного рикошета пятилетней давности — никогда не был так настойчиво на сырую погоду. Он отзывался только на присутствие чужеродной, нестабильной арканической решетки. И чем выше они поднимались, тем отчетливее становилась эта фантомная колющая боль, словно кто-то прикладывал к ключице нагретую медную иглу.

Дубовая дверь, обитая просмоленным железом, вела на плоский уступ технической площадки. Адриан налег плечом на заржавленный засов, металл протяжно взвизгнул, и им в лица ударил яростный порыв полуночного ветра, смешанного с водяной пылью.

Валь-Рейн лежал внизу гигантским черным зверем, прижатым к речному руслу. Редкие масляные фонари Верхнего Предела чертили желтоватые пунктиры вдоль фасадов дворянских особняков, но уже через две улицы, за каменным арочным акведуком, город тонул в непроглядной, чадающей тьме Ремесленного Низа и Портowych Ковцов. Дождь хлестал наискось, превращая покатые сланцевые крыши в зеркальные скользкие трапы, с которых малейшая оплошность сбрасывала прямиком в каменные мешки узких переулков сотней футов ниже.

— Вон та труба, — Ивейн указала пальцем в темноту. Ее желтоватые зрачки сузились в тонкие вертикальные щели, ловя остаточный инфракрасный свет остывающих дымоходов. — Восточный дымовой канал хранилища. Огонь внизу не разводили года три, тяга там слабая, но короб прямой, как стрела.

Квадратное каменное жерло возвышалось над коньком крыши на два локтя. Каменная кладка вокруг оголовка была выщерблена, старый известковый раствор выкрошился от времени. Адриан первым перешагнул через медный водосточный желоб, придерживаясь рукой за парапет, и присел на корточки у трубы. Селена подоспела следом, расстегивая воощенный клапан сумки и доставая ручной фонарь с регулируемой слюдяной шторкой.

— Держите свет ниже, — негромко бросил капитан, заслоняя источник пламени полкой своего суконного плаща. — С караульных вышек цитадели просматривается эта сторона. Нам не нужно, чтобы пристав первой сотни решил устроить здесь облаву раньше времени.

— Если бы пристав первой сотни умел смотреть на крыши, пробирер Кауфман сейчас мирно спал бы в своей постели после кружки подогретого рейнвейна, — Селена опустилась коленями прямо на мокрый сланец. Холодная вода моментально пропитала грубую ткань штанов, но она даже не поморщилась. Все ее внимание сосредоточилось на верхнем срезе каменной трубы.

Слюдяная створка фонаря сдвинулась в сторону, выпуская узкий пучок желтоватого света. На мокром песчанике оголовка отчетливо выделялся след. Не отпечаток сапога — поверхность была слишком узкой, — а две параллельные глубокие борозды, прочерченные твердым металлом с насечкой.

— Струбцина, — Селена провела пальцем по срезу камня, чувствуя подушечкой острую каменную крошку. — Здесь крепили тяжелый винтовой штатив. А вот тут...

Она поднесла фонарь вплотную к внутреннему краю жерла. На черной, жирной саже, покрывавшей кирпичи изнутри, осталась идеально ровная вертикальная полоса шириной в полдюйма — след стального троса или зубчатой рейки. Рядом темнела густая капля, которую ливень еще не успел смыть окончательно.

Селена подцепила вязкую каплю серебряным шпателем и растерла между пальцами. Ни запаха смолы, ни минерального дегтя.

— Очищенный костяной жир с графитовой пудрой, — подтвердила она, поднимая взгляд на Адриана. — Точно такой же состав, какой мы нашли на нижней решетке. Трос спускался прямо вниз. Механизм работал бесшумно. Но трос не мог удержать созревающий кристалл стигмы без экранирования. Если бы кристалл подняли на открытом воздухе, его свечение озаарило бы все небо над гильдией, как фейерверк во время коронации.

— Значит, был контейнер, — Адриан поднялся во весь рост, вглядываясь в окружающую панораму крыши. Ветер трепал полы его плаща, бросая тяжелые капли на стальной панцирь. — Свинцовый тубус. Тяжелый, фунтов на десять-пятнадцать вместе со свинцовыми заглушками. Человек с таким грузом не побежит по скользкой черепице, как мартовский кот.

— Ему и не нужно было бежать, — раздался с другого края площадки голос Ивейн. Сейдари стояла на самом краю карниза, балансируя над бездной с абсолютным, пугающим равнодушием к высоте. Ее узкое, пепельное лицо было обращено на восток, где над мокрыми кровлями нависали массивные опоры старого грузового канатного подъемника — заброшенной ветки, по которой полвека назад доставляли каменные блоки для строительства ратуши. — Смотрите сюда, капитан.

Селена и Адриан подошли к парпету. На толстом кованом крюке, вбитом в угловой контрфорс, слабо вздрагивал мокрый пеньковый канат. Один его конец был закреплен узлом «мертвая петля», а второй, натянутый, как тетива, терялся во тьме переулка, уходя далеко вниз, к плоским крышам красильных мастерских Нижнего Города.

— Скользящий блок, — тихо произнес Адриан, и в его янтарных глазах вспыхнул опасный, холодный огонь. — Он просто пристегнул карабин и соскользнул вниз под собственным весом. Прямо над головами ночных разъездов.

— И как давно? — Селена прикоснулась к натянутой пеньке.

— Не больше получаса назад, — ответила Ивейн, тронув пальцем волокна у основания узла. — Веревка еще хранит тепло от трения стального кольца. И здесь... есть кое-что еще. Запах.

Сейдари наклонилась ниже, втягивая воздух ноздрями. Ее губы тронула презрительная, жесткая усмешка:

— Горький миндаль, медный купорос и болотный можжевельник. Так пахнет только в одном месте во всем проклятом Валь-Рейне.

— Склады старьевщиков в квартале Черепников, — Селена мгновенно выстроила цепочку. — Там отстаивают осадок красильных чанов и варят дубильные экстракты для кожевников. Идеальное место, чтобы скрыть выброс эфира при переплавке кристаллов. Ни один инспектор Сыска не отличит запах выгорающей стигмы от вони тухлой мочи и серного купороса.

— Ивейн, канат выдержит взрослого мужчину в железе? — коротко спросил Адриан.

— Вас — нет, капитан. Слишком много благородного чугуна на ребрах, — фыркнула сейдари. — А вот госпожу Валлен или меня — вполне. Но внизу нас встретят не с пирогами. Тот, кто спланировал такую операцию, наверняка оставил внизу группу прикрытия.

— Тогда мы спустимся иначе, — Адриан повернулся к выходу с крыши. — По внешней пожарной лестнице до второго яруса, оттуда — через арку пивоварни на набережную. Там в караульне дежурит четверка моих конных дозорных. Если срежем через мясные ряды, будем у Черепников через двадцать минут.

— А Лука? — вспомнила Селена, перехватывая ремень сумки.

— Мортен закончит с телом и отправит его в анатомический покой в сопровождении двух стражников с алебардами, — отрезал капитан, уже шагая к лестничной клетке. — Ему здесь делать нечего. Вскрывать трупы — его ремесло, но в Черепниках живые люди превращаются в мертвецов быстрее, чем он успеет достать свой серебряный ланцет. Идемте, Валлен. Не отставайте.

Спуск через лабиринт мокрых деревянных переходов и узких технических лестниц занял меньше пяти минут, но эти пять минут заставили Селену работать всеми мышцами тела. Дождь усилился, превратившись в сплошную водяную стену, секущую лицо крупными, ледяными каплями. Осенний холод пробирал до костей, но внутри разгорался знакомый азарт охоты — то единственное состояние, когда кошмары прошлого отступали, уступая место холодной, математической логике текущей секунды.

В караульном дворе у Западных ворот их уже ждали. Четверо всадников в клепаных кожаных куртках и железных полусферических шлемах держали под уздцы мощных, широко-костных меринов пограничной породы. Животные шумно фыркали, переступая копытами по мокрой брусчатке, от их крупов валил густой пар.

— Лошадей только четыре, — бросила Ивейн, легко взлетая в седло гнедого жеребца без помощи стремени.

Адриан обернулся к Селене. В полумраке подворотни, при свете коптящего смоляного факела, его мокрое от дождя лицо казалось вырубленным из темного дуба.

— Верхом держитесь?

— Держусь, — Селена раздраженно тряхнула головой, отжимая мокрую прядь волос, прилипшую ко лопаткам. — Но дамских седел, как я понимаю, в арсенале стражи не предусмотрено.

— В моем отряде дам нет, госпожа оценщик, — в голосе капитана не было насмешки, лишь сухое констатирование факта. Он протянул ей широкую, обтянутую шершавой замшей ладонь. — Садитесь впереди меня. Мерин выдержит двоих, седло глубокое, строевое. И держитесь за переднюю луку, если не хотите свернуть шею на повороте у рыбных лавок.

Селена не стала тратить время на пустые церемонии. Она вложила свою руку в его ладонь — пальцы Адриана оказались неожиданно горячими, несмотря на стужу, хватка — железной, но выверенной. Одним сильным, плавным движением он втянул ее в седло перед собой. Селена ощутила за спиной тяжелую массу его тела: стальной панцирь, подбитый толстым войлоком, жесткий край портупей и размеренное, ровное дыхание мужчины, контролирующего каждое свое движение.

— Вперед! — негромко скомандовал Адриан, ударив коня шенкелями. — Направление — тупик Кожевников. Без факелов. Идти рысью до границы сточных канав.

Отряд сорвался с места. Подковы выбивали снопы искр из базальтовых плит. Ветер засвистел в ушах, смешиваясь с шумом дождя и глухим рокотом переполненных городских каналов. Селена крепко сжимала скользкую кожу передней луки, удерживая равновесие в такт мощным толчкам конского крупы. Левое плечо Адриана закрывало ее от косого ливня, правая рука капитана жестко держала поводья, не мешая ее движениям, но создавая ощущение абсолютной, надежной стены.

Они миновали тяжелую арку Ремесленной стены, где кончались мощные улицы и начиналась территория, которую городские хроники стыдливо именовали «Нижними Выселками», а жители попросту звали Брюхом.

Здесь дома не строились из гранита — они лепились друг к другу из кривого дубового бруса, саманного кирпича и ржавых полос кровельного железа. Узкие, не шире двух конских крупов, проулки утопали в черной зловонной жиже, куда сбрасывались отходы кожевенных

мастерских, скотобоен и красилен. Даже проливной ливень не мог смыть вьевшийся в дерево удушливый запах гниющих шкур, аммиака и кислотного протравителя.

— Стой, — Адриан натянул поводья за полсотни шагов до глухого тупика, упиравшегося в полуразрушенный частокол старой верфи. Всадники за его спиной замерли, как вкопанные, кони лишь тихо переступали ногами в вязкой грязи.

Селена соскользнула с седла на землю, ее сапоги по щиколотку погрузились в холодную жижу. Она мгновенно присела, укрываясь за штабелем полусгнивших бочек из-под дегтя, и достала из сумки тонкую трубку с зеркальным срезом. Шрам на ключице больше не просто зудел — он пульсировал резкой, стреляющей болью, отдающей в челюсть.

— Они здесь, — прошептала она, подходя вплотную к Адриану, который уже спешился и обнажил меч на треть длины, проверяя ход клинка в ножнах. — Резонанс усиливается. И это не одна крупица. Кто-то запустил реакцию очистки. Если кристалл Серой Стигмы попытаются растворить в кислоте без свинцового саркофага, произойдет выброс плазменной дуги.

— Сколько людей внутри? — Адриан повернулся к Ивейн, которая бесшумно спрыгнула с ближайшего забора, держа арбалет наготове.

— Трое у ворот пакгауза, — быстро и тихо доложила сейдари. — Вооружены тесаками и короткими копьями. Наемники из портовой швали, не гильдейские. Внутри здания — двое. Один неподвижен, второй постоянно перемещается между чанами. Тепловой контур странный... смазанный. Словно на человеке надет плащ с серебряной нитью.

— Арканический экран, — процедила Селена. — Только профессиональные контрабандисты высокого ранга используют посеребренные ткани для экранирования собственного эфирного следа. Это не случайные воры.

— Брать живыми тех, кто внутри, — распорядился Адриан, обращаясь к своим дозорным. — Караульных у входа снять тихо. Ивейн — левый твой. Корд, Вальдо — правый фланг. Я беру центр. Валлен — держитесь позади меня. Если начнется эфирный прорыв — падайте в грязь и не вздумайте экранировать чары голыми руками. У вас нет латного доспеха.

— У меня есть голова на плечах, капитан, — холодно отозвалась Селена, извлекая из-под полы узкий кончар. Трехгранное стальное лезвие длиной в два фута тускло блеснуло в рассеянном свете далекого фонаря. — И я не привыкла прятаться за чужими спинами, когда речь идет о тех, кто использует запрещенные кристаллы.

Адриан взглянул на ее клинок — оружие профессионального дуэлянта или судебного ликвидатора, рассчитанное на точечные уколы в сочленения доспехов, а не на грубую рубку, — и в его глазах мелькнуло искреннее уважение.

— Держитесь в двух шагах, — коротко сказал он. — Пошли.

Тени метнулись вперед сквозь пелену дождя.

Все произошло за считанные секунды с безжалостной, отточенной эффективностью пограничных ветеранов. Арбалет Ивейн издал короткий сухой щелчок — первый часовой у ворот пакгауза даже не успел вскрикнуть, когда тяжелый граненый болт пробил ему горло, пригвоздив тело к бревенчатой стойке навеса. В ту же секунду двое дозорных Адриана выскочили из-за бочек: короткие удары широких мечей под мышку и в основание шеи сбили оставшихся двоих в грязь прежде, чем те успели поднять тревогу.

Адриан с разбегу ударил кованым сапогом в стык деревянных створок ворот. Старый висячий замок вырвало с куском трухлявого бруса. Двери с грохотом распахнулись внутрь.

— Стража! Бросить оружие! — рявкнул капитан, врываясь в огромное, гулкое пространство заброшенного склада.

Внутри пахло аммиаком, тухлым яйцом и раскаленным сахаром. По периметру помещения стояли десятки врытых в землю деревянных чанов с темной, пенящейся жижей. В центре, на грубо сколоченном дубовом верстаке, шипела переносная алхимическая печь с медным

змеевиком. В круглом ретортном сосуде из толстого зеленого стекла кипела черная, вязкая жидкость, сквозь которую пробивались ядовито-синие вспышки.

Рядом с верстаком стоял высокий человек в длинном дорожном плаще с капюшоном, подбитом матовой серой тканью. В одной руке он держал массивный свинцовый футляр с открытой крышкой, во второй — тонкие титановые щипцы, в которых был зажат крупный, размером с голубиное яйцо, кристалл. Грани камня переливались мертвенным, тускло-стальным светом, вокруг него воздух дрожал, как над раскаленной жаровней.

У ног неизвестного лежал человек со сломанной шеей — судя по кожаному фартуку, местный мастер-красильщик, которого устранили сразу после того, как он предоставил свое оборудование.

— Стоять на месте! — Адриан сделал два быстрых шага вперед, поднимая меч. Дозорные полукругом обходили чаны, отрезая путь к западному выходу.

Человек в капюшоне медленно повернул голову. Лица под глубокой тенью ткани разглядеть было невозможно — лишь нижнюю челюсть, затянутую в черную шелковую полумаску. Он не сделал ни единой попытки поднять оружие или сдаться. Вместо этого его пальцы в плотных замшевых перчатках с коротким, выверенным усилием разжали губки титановых щипцов.

Кристалл сорвался вниз — прямо в горлышко кипящей реторты.

— Назад! — диким голосом закричала Селена, мгновенно поняв чудовищность происходящего. — Он бросил стигму в раствор царской водки! Цепная реакция!

Воздух в пакгаузе мгновенно сгустился, превратившись в вязкий студень. Зеленое стекло реторты не лопнуло — оно буквально испарилось, превратившись в сноп ослепительно-белых искр. Из котла вырвался столб ядовито-синего эфирного пламени, беззвучно ударивший в стропила крыши. В ту же секунду температура в помещении упала на тридцать градусов: стены, бочки и грязь под ногами мгновенно покрылись толстым слоем хрустящего игольчатого инея. Закон термодинамической отдачи сработал со страшной силой — рождение концентрированной арканической дуги мгновенно выкачало все тепло из окружающего пространства.

Дозорный Корд, стоявший ближе всех к верстаку, рухнул на колени, судорожно хватая ртом воздух — его легкие обожгло мгновенным обморожением от ледяного воздуха.

Человек в капюшоне воспользовался вспышкой. С поразительной ловкостью он швырнул под ноги шашку с едким слезоточивым составом и метнулся к пролому в задней стене, выходившему к речному коллектору.

— Ивейн, выход! — хрипло крикнул Адриан. Он бросился наперерез беглецу, но путь ему преградил сноп вторичных разрядов — кристалл в остатках чана начал разрушаться, выбрасывая во все стороны нестабильные эфирные иглы.

Селена видела, как одна из игл — ослепительно-синий сгусток чистой энтропии — сорвалась с верстака и устремилась прямо в спину капитана, пробивавшегося сквозь клубы серого дыма. Стальной панцирь не защитил бы его: эфирный разряд такой плотности просто пробил бы железо, закипятив кровь во внутренних органах за долю секунды.

Мыслить было некогда.

Селена сорвала с пояса свой узкий граненый кончар, перехватила его за кончик лезвия и, вложив в бросок весь вес тела и остаток эфирной силы из меридианов плеча, метнула клинок вперед.

Стальная полоса прорезала морозный воздух пакгауза. Трехгранное острие вонзилось точно в массивную медную балку заземления, вбитую в каменный пол за спиной Адриана, встав ровно на пути летящего разряда. Сгусток синей энергии с оглушительным треском ударил в сталь кончара. Металл клинка мгновенно раскалился до белого каления, приняв на себя чудовищный электрический потенциал, и по медной шине разряд ушел глубоко в сырую землю фундамента, расколов две каменные плиты пола.

Но отдача нашла свой источник.

Поскольку Селена коснулась эфирного контура в момент броска, обратная энтропийная волна ударила по ее собственной руке. Ее словно огрели ледяным дубовым бревном по ключице и шее. Селена захрипела, рухнув на колени в покрытую инеем грязь. Перед глазами все вспыхнуло багровым, дыхание перехватило, а пальцы правой руки свело судорогой такой силы, что ногти впились в ладонь до крови.

— Селена! — этот крик прорвался сквозь звон в ушах.

Через секунду сильные руки в железных наручах подхватили ее под мышки, не позволяя упасть лицом в замерзающую лужу. Адриан опустился на колено рядом с ней, его лицо было бледным, покрытым копотью и инеем. Он сорвал с себя шерстяной шарф и с неожиданной для сурового воина бережностью прижал его к ее пульсирующей, вздувшейся шее, где старый ожог превратился в багрово-фиолетовый рубец.

— Дышите, — его голос звучал низко, твердо, заставляя цепляться за реальность. — Дышите глубоко. Валлен, слышите меня? Смотрите на меня.

Она с трудом сфокусировала взгляд. Янтарные глаза капитана были совсем близко — в них не было паники, только предельная, яростная концентрация и искренняя, неприкрытая тревога за ее жизнь. Он прижал ее спиной к своей груди, передавая тепло своего тела сквозь слои мокрой одежды.

— Беглец... — с трудом выдавила она пересохшими губами, стуча зубами от дикого озноба. Каждое слово отдавалось острой болью в затылке.

— Ивейн ушла за ним по коллектору, — тихо ответил Адриан. — Вальдо перекрыл нижний люк. Мы сделали все, что могли. Сейчас главное — вы. Не закрывайте глаза.

Он достал из внутреннего кармана плоскую серебряную флягу, зубами выдернул пробку и поднес горлышко к ее губам:

— Пейте. Это не вино. Полынная настойка с корнем сонной травы и солью стигмы. Она снимет спазм с эфирных жил.

Селена сделала судорожный глоток. Жидкость обожгла горло нестерпимой горечью, ударила в нос запахом дикой полыни и ментола, но уже через три секунды по заблокированным, сведенным сосудам шеи и плеча разлилась спасительная, глухая горячая волна. Судорога в пальцах начала медленно отступать, ледяной обруч, сжимавший виски, ослаб.

— Вы... спасли мне жизнь, Валлен, — негромко произнес Адриан. Его рука продолжала поддерживать ее за плечи, и она чувствовала, как под его панцирем тяжело и часто бьется сердце. — Тот разряд прожжет бы меня насквозь.

— Просто... профессиональный рефлекс, капитан, — с кривой, слабой усмешкой прошептала Селена, пытаясь опереться на здоровую руку. — Государству слишком дорого обходится подготовка старших офицеров Дозорного Корпуса, чтобы разбрасываться ими в грязных сараях Нижнего Города.

Адриан покачал головой, и в уголках его глаз впервые за всю ночь обозначились глубокие, мягкие морщинки:

— Вы неисправимы. Даже на пороге летаргического коллапса считаете казенные медяки.

В этот момент у входа послышался топот подкованных сапог, сопровождаемый отчаянной, витиеватой бранью. В проломе ворот показалась запыхавшаяся фигура Луки. Молодой прозектор спотыкался о замерзшие обломки, его плащ был перепачкан сажей, а под мышкой он судорожно сжимал объемистый кожаный саквояж.

— Где она?! — заорал он, с трудом переводя дух. — Клянусь селезенкой архиепископа, если вы подставили девчонку под эфирный удар, капитан, я лично вскрою вашу грудную клетку без обезболивающего!

— Успокойся, Лука, — слабо подала голос Селена, делая попытку подняться. Адриан осторожно помог ей встать на ноги, придерживая за локоть до тех пор, пока не убедился, что ее колени больше не подгибаются. — Я цела. Почти.

Лука подскочил к ней, отпихнув капитана плечом с поразительной для тщедушного анатома наглостью. Его быстрые, цепкие пальцы моментально легли на ее пульс у основания запястья, затем он оттянул веко, проверяя реакцию зрачка на свет фонаря.

— Зрачки сужены, пульс нитевидный, капиллярный спазм третьей степени, — забормотал он сердито, доставая из саквояжа стеклянную баночку с густой желтой мазью. — Какого черта ты полезла в резонансную зону без заземляющего фартука?! Ты же знаешь, что твои жилы после того пожара держатся на честном слове!

— Там был Адриан, — просто ответила она, глядя другу прямо в глаза.

Лука осекся. Он медленно перевел взгляд с Селены на молчаливо стоявшего рядом капитана, чье лицо оставалось непроницаемым. В глазах прозектора промелькнуло сложное чувство — смесь раздражения, ревности старого друга и неохотного признания неизбежного. Он шумно выдохнул сквозь зубы и принялся методично втирать дурно пахнущую камфорную мазь в ее обожженную ключицу.

— Герои. Кругом одни проклятые герои, — проворчал он, затягивая шерстяной шарф на ее шее. — Ладно. Смерти от отдачи не будет. Но если ты в ближайшие трое суток возьмешь в руки хоть крупницу стигмы крупнее песчинки, твои вены просто лопнут, как пересушенные кишки. Я тебя предупредил.

Шаги за спиной заставили их обернуться. Из темного пролома коллектора появилась Ивейн. Сейдари тяжело дышала, ее кожаная куртка была распорота на левом предплечье, по серым пальцам стекала тонкая струйка темной, почти черной венозной крови. Но лицо ее оставалось совершенно спокойным.

— Ушел, — коротко бросила она, сплевывая на замерзший пол горькую слюну. — У него был подготовлен легкий катер у сброса сточных вод. Ушел вниз по течению, в сторону Западных факторий.

— Совсем ничего? — нахмурился Адриан.

Ивейн молча разжала кулак правой руки. На ее ладони лежал тяжелый предмет из черненого серебра — массивная круглая печать с отломанным кольцом для нашейного шнура. На полированной поверхности металла четко просматривался глубокий гравированный оттиск: раскрытая книга, пронзенная циркулем с семью делениями.

Селена шагнула вперед, забыв о боли в плече.

— Палата Мерила, — прошептала она, не веря собственным глазам. — Личная печать канцелярии Хранителя Архивов.

Все четверо замерли. В полуразрушенном складе, среди замерзающей грязи и ядовитых испарений, повисла мертвая, звенящая тишина.

— Юлиан Брант, — глухо произнес Адриан, и его челюсти сжались так, что на скулах заходили желваки. — Мы только что наступили на хвост человеку, который держит в руках половину казны княжества.

— Не просто наступили, капитан, — тихо сказала Селена, поднимая на него глаза. — Мы только что объявили ему войну. И если мы не докажем его вину до рассвета, к полудню нас самих объявят малефиками и предателями короны.

Адриан посмотрел на серебряную печать, затем медленно перевел взгляд на Селену. В его янтарных глазах не было и тени сомнения.

— Значит, у нас есть ровно шесть часов до зари, — твердо произнес он. — Мортен, собирайте образцы из печи. Ивейн — перевязать руку и седлать коней. Мы возвращаемся в Цитадель. Через парадные ворота.

Глава 3

Глава 3. В тени ратуши

Предрассветный туман полз от реки медленными, жирными клочьями, оседая на серых каменных плитах Соборной площади. Колокола базилики Святого Регула еще молчали, но в воздухе уже звенела та особенная, гнетущая тишина, какая бывает перед публичной казнью или объявлением новой подати. Дождь почти стих, сменившись мелкой ледяной крупой, царапавшей щеки и мгновенно таявшей на мокрых суконных плащах.

Селена спешила у восточного кордегарда Ратуши, сжав зубы, чтобы не выдать стона. Тело ныло так, словно его пропустили через давящий пресс кожаной мануфактуры. Каждое движение левой руки отдавалось глухой вспышкой боли в ключице, где камфорная мазь Луки боролась с последствиями эфирного спазма. Но хуже физической боли было ощущение неумолимо ускользающего времени. На башенных курантах пробило четыре утра. До первого заседания Малого Совета оставалось меньше двух часов.

Адриан бросил поводья подбежавшему караульному и, не снимая испачканных грязью латных рукавиц, шагнул к Селене. В полутьме подворотни его янтарные глаза казались темными, почти черными от накопившейся усталости, но движения оставались выверенными и спокойными.

— Идти можете? — спросил он тихо, так, чтобы не услышали стоявшие у ворот стражники.

— Если вы не собираетесь нести меня на руках перед парадным караулом судебных приставов, капитан, то у меня нет другого выбора, — криво усмехнулась Селена, поправляя ремень сумки со склянками улик.

— Носить на руках следователей Сыска не входит в перечень моих служебных обязанностей, — в тон ей отозвался Адриан, и в уголке его рта на мгновение дрогнула едва заметная теплая складка. — Хотя сегодня ночью вы заслужили куда больше, чем простой рапорт с благодарностью. Держитесь рядом. В Совете Брант чувствует себя хозяином, но здесь еще действует закон Статута.

Они поднялись по широкой гранитной лестнице Магистрата. В отличие от сырого и зловонного Нижнего Города, здесь царил тяжелое величие: стены были облицованы полированным диоритом, сквозь стрельчатые окна слабо мерцали витражи с гербами семи княжеских родов, а в высоких бронзовых треножниках тихо потрескивали угли белого бука, распространяя сухой, смолистый дух.

У тяжелых резных дверей Зала Свидетельств их уже ждали. Двое чиновников в темно-вишневых мантиях, подбитых кунным мехом, нервно переговаривались, сжимая в руках свитки с гербовыми печатями. Чуть поодаль, привалившись плечом к пилястре и демонстративно разглядывая свои начищенные до блеска сапоги, стоял старший дознаватель Сыска — господин Герард Восс. Это был сухопарый человек лет сорока с водянистыми глазами и тонкими, вечно поджатыми губами человека, привыкшего выбивать признания не столько пыточным железом, сколько бесконечным юридическим крюкотворством.

— А, капитан Лоран, — протянул Восс, не спеша навстречу и лишь слегка наклонив голову. Его колючий взгляд мгновенно скользнул по помятому доспеху Адриана, грязным сапогам Селены и застыл на темном пятне ожога на ее шее. — И наша неутомимая госпожа оценщик. Наслышан о вашем ночном рейде по помойкам Кожевников. Дозорный Корпус теперь развлекается тем, что устраивает пожары на красильнях?

— Мы преследовали убийцу магистра Кауфмана, господин дознаватель, — сухо отчеканил Адриан, даже не замедлив шага. — И если бы вы изучили протокол первичного осмотра,

составленный в хранилище гильдии, то знали бы, что пожар был вызван детонацией нестабильного арканического ядра.

— Протокол? — Восс ядовито усмехнулся, извлекая из рукава сложенный вчетверо лист пергамента. — Вы имеете в виду эту писульку помощника прозектора Мортена? Господин Мортен, безусловно, мастер резать падаль, но его рассуждения о запрещенных синтетических кристаллах звучат как дешевая баллада для ярмарочных зевак. Архиепископия категорически отрицает существование так называемой Серой Стигмы в пределах Альтрии. Официальная версия гильдейского конклава уже утверждена: старший пробирер стал жертвой несчастного случая при незаконном опыте с трансмутацией серебра.

— Несчастный случай? — Селена шагнула вперед, проигнорировав предостерегающий жест Адриана. Кровь бросилась ей в лицо, прогоняя остатки озноба. — Кауфман сидел запертым в камере с трехфутовыми свинцовыми стенами. Его сонные артерии были вскрыты микроскопическим надрезом, а в тканях обнаружены следы реакции вымывания эфира. Вы хотите сказать, что главный пробирер короны сам себе перерезал сосуды и вырастил кристалл на собственной крови ради забавы?

— Я хочу сказать, госпожа Валлен, — голос Восса стал холодным и свистящим, как удар розги, — что дочери государственного изменника и фальшивомонетчика следовало бы вести себя скромнее в стенах ратуши. Ваше присутствие в Судебном Сыске — всего лишь снисхождение магистрата, позволившее вам отрабатывать долги вашей семьи. Еще одно дерзкое слово, и я поставлю вопрос о вашей профессиональной пригодности перед верховным судьей.

Селена застыла, побледнев. Старое клеймо, которым ее хлестали каждый день на протяжении десяти лет, обожгло сильнее эфирного разряда. Она инстинктивно сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в заживающие ладони.

Но прежде чем она успела разомкнуть губы, тяжелая рука в кованом наруче легла ей на плечо, слегка отодвигая назад.

Адриан сделал полшага вперед. Его фигура — широкая, затянутая в темную сталь и мокрое сукно — полностью заслонила Селену от дознавателя. Капитан был на полголовы выше Восса, и теперь он смотрел на судейского чиновника сверху вниз с таким ледяным презрением, что тот невольно отступил на полшага, прижавшись спиной к резной панели двери.

— Господин Восс, — произнес Адриан. Голос его звучал негромко, но в пустом сводчатом коридоре каждое слово падало с весом свинцового бруска. — Оценщик Валлен находится здесь по моему прямому приказу как полномочный военный эксперт чрезвычайного следствия. Если у вас есть сомнения в ее компетенции — вы можете подать жалобу коменданту Цитадели. Но если вы еще раз позволите себе открыть рот и оскорбить человека, который только что спас жизнь моим дозорным и вытащил из огня ключевые улики, я вспомню, что по законам военного времени капитан гарнизона имеет право отправить под арест любого чиновника за саботаж следствия. На трое суток. В карцер под Башней Еретиков. Там, знаете ли, очень сыро в это время года.

Восс судорожно сглотнул. Цвет его лица сменился с надменного желтоватого на мертвенно-серый. Он открыл было рот, чтобы сослаться на судейские привилегии, но, взглянув в немигающие янтарные глаза Адриана, понял: этот солдат не блефует. Лоран действительно закроет его в подвале, а пока канцелярии будут обмениваться протестами, пройдет неделя.

— Мы... мы еще вернемся к этому разговору на Совете, капитан, — пробормотал дознаватель и, резко повернувшись на каблуках, поспешил скрыться за боковыми дверями галереи.

Селена медленно выдохнула. Сердце бешено колотилось в горле. Она посмотрела на Адриана снизу вверх. Капитан опустил руку, его пальцы на мгновение задержались у рукояти меча, словно проверяя, легко ли клинок выходит из ножен, а затем он повернулся к ней. В его взгляде не было ожидания благодарности — лишь спокойная, твердая уверенность человека, защищающего свое знамя.

— Спасибо, — выдавила она, чувствуя, как нелепо и сухо звучит это слово после десяти лет постоянной травли, когда никто и никогда не вставал между ней и обвинителями ее отца.

— Не за что, — так же просто ответил он. — Восс — шакал. Шакалы понимают только окрик и вид железа. Но он прав в одном: Брант уже знает, что мы нашли печать. Нам нужно подкрепить ее неопровержимым доказательством до того, как они объявят печать украденной.

Тяжелые створки главного зала со скрипом разошлись. Из глубины залы показался служитель в парадной ливрее:

— Хранитель Архивов, магистр Юлиан Брант ожидает представителей следствия.

Зал Архивов разительно отличался от пышных парадных покоев Магистрата. Здесь царила полутьма, нарушаемая лишь мерным зеленым свечением рунных колб, расставленных вдоль бесконечных рядов книжных шкафов. Высокие, уходящие под самый потолок дубовые стеллажи хранили тысячи фолиантов, свитков и металлических тубусов — память княжества за последние триста лет. В воздухе стоял густой, терпкий запах сушеной полыни, которой пересыпали пергаменты от моли, дорогого чернильного орешка и нагретого воска.

За массивным столом из полированного мореного дуба, заваленным бухгалтерскими книгами в кожаных переплетах, сидел человек.

Магистр Юлиан Брант не походил на заговорщика из темных городских баллад. Ему было около пятидесяти: благообразное, сухое лицо с тонкими, аристократическими чертами, гладко выбритый подбородок и пронизательные, чуть усталые серые глаза под аккуратно подстриженными седеющими бровями. Одесную его покоила тяжелая серебряная цепь Хранителя Архивов, звенья которой изображали раскрытые книги и циркули. Его длинные, ухоженные пальцы перебирали стопку донесений с рудников, на безымянном пальце тускло поблескивал перстень с дымчатым сапфиром.

— Капитан Лоран. Госпожа Валлен, — произнес Брант негромким, поставленным голосом, в котором звучала неподдельная печаль государственного мужа, искренне скорбящего об утрате ценного слуги. Он отложил гусяное перо и указал на два кресла с высокими спинками перед столом. — Садитесь, прошу вас. Ночь выдалась кошмарной для всех нас. Гибель магистра Кауфмана — невосполнимый удар по финансовой стабильности княжества. Он вел учет резервных фондов стигмы более двадцати лет.

— Благодарю, мы постоим, магистр, — холодно отозвался Адриан, оставаясь на ногах. Селена встала на полшага левее, расстегивая ремни своей сумки. — Мы пришли представить предварительные вещественные доказательства по делу об убийстве в Палате Мерила.

Брант слегка приподнял бровь, его взгляд скользнул по фигурам вошедших с мягким, отеческим участием:

— Вы говорите об «убийстве», капитан? Дознаватель Восс только что доложил мне, что имел место трагический инцидент при несанкционированном химическом опыте. Бедный Кауфман в последнее время страдал одышкой и забывчивостью. Возможно, перепутал реагенты при проверке чистоты сплава...

— Реагенты не перерезают сонные артерии скальпелем из памяти-стали, магистр, — звонко произнесла Селена, делая шаг вперед и опуская на полированную поверхность дубового стола стеклянную пробирку с белым пеплом. — И они не выкачивают из человеческого тела всю клеточную влагу за четыре секунды. В тканях магистра Кауфмана обнаружены кристаллы Серой Стигмы.

Воздух в кабинете словно на мгновение похолодел. Брант не вздрогнул, его лицо осталось безупречной маской скорбного величия, но Селена, чей взгляд был натренирован годами микроскопических наблюдений, заметила: зрачки Хранителя Архивов на долю секунды сузились, а пальцы, лежавшие на краю стола, едва заметно побелели в суставах.

— Серая Стигма? — переспросил Брант с легким недоумением в голосе, словно услышал название давно забытой детской сказки. — Дитя мое, вы берете на себя смелость произносить

вслух название запрещенной ереси, за которую в свое время был казнен архиепископ Малахия? Это очень... опасные домыслы для младшего оценщика.

— Это не домыслы, господин Хранитель, — вмешался Адриан. Он достал из поясного кошелька массивный предмет, завернутый в промасленный кусок парусины, и с глухим стуком опустил его прямо перед носом чиновника.

Парусина развернулась. На темное дерево стола легла серебряная печать с гравировкой циркуля и книги — та самая, со сломанным крепежным ушком, покрытая следами копоти и засохшей черной крови наемника.

— Это было найдено час назад в заброшенном пакгаузе на складах Черепников, — продолжил Адриан, не отводя глаз от лица Бранта. — Там, где неизвестный в арканическом плаще пытался растворить похищенное ядро в царской водке. При попытке задержания преступник применил боевой эфирный заряд и скрылся через коллектор. Назовите имя чиновника вашей канцелярии, которому принадлежит эта печать, магистр.

Брант медленно протянул руку, кончиками пальцев коснулся холодного серебра, повернул печать к свету зеленой рунной лампы и тяжело, прерывисто вздохнул. В этом вздохе было столько искренней горечи, что Селена на мгновение даже усомнилась в собственных выводах.

— Корнелий... — тихо прошептал Брант, качая головой. — Бедный, безумный Корнелий.

— Кто такой Корнелий? — нахмурился капитан.

— Корнелий Таубе, мой младший секретарь по каталогизации восточных архивов, — Брант поднял глаза, и в них стояла неподдельная печаль. — Он не явился на службу вчера утром. Я счел это обычной халатностью и собирался отправить курьера к нему на квартиру. Но теперь... боги праведные, неужели он был замешан в этом кошмаре?

— Секретарь? — с подозрением переспросила Селена. — Младший писец имел доступ к технологии синтеза нестабильных ядер и оборудованию высшей точности?

— Вы недооцениваете опасность запретных знаний, госпожа Валлен, — мягко ответил Брант, пододвигая печать ближе к себе. — В архивах хранятся тысячи трактатов времен Первого Разлома. Мы бережем их под замком, но человеческое любопытство и алчность не знают преград. Полгода назад я заметил, что Таубе проявляет нездоровый интерес к рукописям алхимической школы Карак-Мора. Я ограничил его допуск, но, видимо, было уже поздно. Он украл печать из моего рабочего кабинета, когда приносил квартальные ведомости. Очевидно, использовал ее авторитет, чтобы пройти через внешние караулы гильдейского квартала.

Версия была выстроена безупречно. Логично, гладко, с идеальным назначением виновного, которого теперь, вне всякого сомнения, найдут в реке со сломанной шеей или с перерезанным горлом задолго до полудня.

— Если это был Таубе, — Адриан положил ладонь на эфес меча, — мы немедленно объявляем план-перехват на всех заставах. Мои люди обыщут его дом.

— Разумеется, капитан, — охотно согласился Брант, поднимаясь из-за стола. Он расправил складки своей дорогой бархатной мантии. — Я выпишу ордер на арест прямо сейчас. Городская стража получит полное содействие Архивов. Мы должны выжечь эту скверну каленым железом, пока слухи не дошли до простонародья. Вы проделали великолепную работу, капитан Лоран. И вы, госпожа Валлен. Ваша наблюдательность делает честь памяти вашего... почтенного родителя.

При этих словах голос Бранта прозвучал особенно мягко, но Селену словно окатило ледяной водой. Это было не признание заслуг. Это было завуалированное предупреждение: он прекрасно помнил ее происхождение и мог раздавить ее в любой момент.

— Мы найдем его, магистр, — коротко бросил Адриан. — С вашего позволения.

Он тронул Селену за локоть, увлекая к выходу. Они вышли из полутемной залы Архивов, оставив Хранителя одного среди мерцающих зеленых рун и вековых свитков.

На широкой галерее второго яруса Ратуши было безлюдно. Сквозь стрельчатые окна уже пробивался бледный, пепельно-серый свет наступающего утра. Дождь окончательно прекратился, уступая место промозглому туману.

Селена шла молча, сжимая в кармане пустой футляр из-под кончара, оставшегося торчать в обугленном полу пакгауза. Пальцы левой руки мелко подрагивали.

— Вы ему поверили? — тихо спросила она, когда они отошли на безопасное расстояние от постов охраны.

— Ни единому слову, — так же тихо отозвался Адриан, глядя прямо перед собой. — История с секретарем шита белыми нитками. Но формально у него железное алиби, а печать теперь объявлена украденной. Если мы попытаемся обвинить его публично перед Советом без показаний живого Таубе, нас казнят за государственную измену еще до захода солнца.

— Таубе уже мертв, — глухо сказала Селена. — Или умрет в ближайший час. Люди Бранта не оставляют хвостов. Я знаю этот почерк, Адриан. Десять лет назад они точно так же подбросили в мастерскую отца фальшивые слитки с клеймом мятежных баронов, а его подмастерье случайно утонул в городском канале накануне суда.

Адриан остановился у каменного парапета, выходящего во внутренний двор гарнизона. Внизу сонные солдаты уже выкатывали бочки со смолой и чистили лошадей. Он повернулся к Селене, внимательно вглядываясь в ее осунувшееся, бледное лицо с темными кругами под глазами.

— Вашего отца звали Матиас Валлен?

— Да, — Селена вскинула подбородок, готовая к привычной защитной реакции. — Тот самый предатель и казнокрад, чьим именем до сих пор пугают учеников ювелирного цеха.

— Мой старший брат служил десятником в охране суда в тот год, — негромко произнес капитан. Его голос звучал ровно, без тени жалости, но с той глубокой человеческой искренностью, которая не требовала доказательств. — Он рассказывал мне об этом процессе. Ваш отец отказался признать вину даже под пыткой каленым железом. Он твердил только одно: они строят накопитель, который сожрет город. Тогда никто не понял, о чем он говорит. Решили, что старик лишился рассудка от боли.

Селена замерла. Сердце пропустило удар, а затем забилось тяжело и глухо. Десять лет она жила с мыслью, что ее отца все вокруг считали жалким преступником. И вот сейчас офицер, чей авторитет в гарнизоне был непререкаем, повторил предсмертные слова Матиаса Валлена — слова, которые вычеркнули из всех официальных хроник.

— Накопитель... — прошептала она, и разрозненные детали страшной картины начали складываться воедино. — Серая Стигма не нужна для обогащения, Адриан. Она нестабильна, ее невозможно продать ювелирам или использовать для чеканки монеты. Ее единственное назначение — служить катализатором в гигантских эфирных контурах. Таких, какие строили до Падения, чтобы выкачивать энергию целых тектонических разломов.

— Или целых городов, — закончил за нее Адриан.

Он снял тяжелую латную перчатку и протянул руку, осторожно коснувшись пальцами ее воротника. Прикосновение было неожиданно бережным: его теплая, огрубевшая от меча кожа на мгновение коснулась края ее пылающего ожога. Селена вздрогнула от неожиданности, но не отстранилась. В этом жесте не было дерзости — лишь простая, солдатская забота о соратнике.

— Вам нужно отдохнуть, Селена. Хотя бы три часа. И сменить повязку. Вы едва держитесь на ногах.

— У нас нет трех часов, — упрямо мотнула головой она, хотя каменный пол под ногами действительно начинал слегка крениться от накатившей слабости. — Если Брант запускает эту машину, Кауфман был только первой ступенью. Ему нужны другие жертвоприношения. Другие мастера, знающие структуру городской рунной сети.

— Ивейн уже подняла моих тайных соглядатаев в порту, — твердо сказал Адриан, убирая руку. — А Мортен сейчас в анатомическом покое исследует останки красильщика. Без нас земля не остановится. Идемте в офицерский флигель. Там топится камин, есть горячий отвар и чистое полотно. Вы останетесь под моим присмотром, пока город окончательно не проснется.

Селена посмотрела в его спокойные янтарные глаза и впервые за долгие годы почувствовала, что ледяная броня, которой она окружила себя после гибели отца, дала трещину. Спорить не было сил. Да и не хотелось.

— Хорошо, капитан, — тихо согласилась она, плотнее кутаясь в суконный плащ. — Но с одним условием: кофе варите вы. Армейский отвар из казарменных котлов я пить не стану даже под угрозой инквизиции.

Адриан негромко рассмеялся — короткий, чистый звук, мгновенно разогнавший пред-рассветный морок:

— По рукам, госпожа оценщик. Для спасительницы моей шкуры у меня найдется пригоршня зерен из южных факторий.

Они спустились по боковой лестнице во внутренний двор гарнизона. Над Валь-Рейном занимался бледный, холодный рассвет нового дня — дня, в который заговор, дремавший целое десятилетие, должен был явить свое истинное, беспощадное лицо.

Глава 4

Глава 4. Ночной дозор в трущобах

Офицерский флигель Дозорного Корпуса пах сухими березовыми дровами, оружейным воском и крепким настоем чабреца. Это было приземистое каменное крыло гарнизонного двора с толстыми сводчатыми потолками, где толчея казарм сменялась тишиной рабочей канцелярии. В узком очаге ровно гудело пламя, вытягивая стылый холод из промокшей суконной одежды. На грубом сосновом столе, заваленном картами караульных маршрутов и списками дежурных десятков, исходила паром тяжелая медная джезва.

Селена сидела на скамье у огня, сжав пальцами глиняную кружку. Напиток, который сварил Адриан, действительно не имел ничего общего с казарменной бурдой из поджаренного ячменя: густой, горький, пахнувший пряностями далеких южных факторий, он обжигал нёбо и разливал по онемевшему телу медленное, спасительное тепло. Ее левое плечо было туго стянуто свежим льняным бинтом, пропитанным успокаивающим соком алтея. Адриан сам помог ей наложить повязку — без лишних слов, без ненужной суеты, с тем спокойным, привычным автоматизмом человека, который перевязал на своем веку не одну сотню боевых ран.

— Если вы не сомкнете глаз хотя бы на два часа, Валлен, — произнес Адриан, подбрасывая в очаг полено, — то к полудню от вашей дедукции останется только головная боль. Внизу, в караульне, я распорядился не поднимать тревогу без моего личного знака.

Капитан снял нагрудный панцирь, оставшись в простом шерстяном колете темно-серого сукна со шнуровкой на груди. Без тяжелой брони он казался чуть шире в плечах, но движения его оставались такими же собранными, экономными. Он сел напротив, опираясь локтями на стол, и его янтарные глаза в отблесках камина выглядели усталыми, но цепкими.

— Сон сейчас — непозволительная роскошь, — покачала головой Селена, вглядываясь в черную поверхность кофе. — Брант не станет ждать. Секретаря Таубе объявят беглым вором, на городские ворота повесят его портреты, а к вечеру его труп выловят из реки с мешком краденого серебра. Дело объявят раскрытым, хранилище Кауфмана замуруют, а все протоколы отправят в тайное хранилище архиепископа.

— Не отправят, — ровным тоном возразил Адриан. — Пока жив Мортен и пока вскрытие не окончено, протокол Сыска имеет статус судебного производства первой степени. Дознаватель Восс может шипеть сколько угодно, но даже он не посмеет отозвать гербовую печать без подписи городского прево. А прево сейчас в отъезде — инспектирует укрепления Северного Вала. Это дает нам еще сорок восемь часов.

Дверь флигеля с глухим стуком отворилась, впуская полосу сырого утреннего сквозняка. На пороге возникла Ивейн. Рукав ее кожаной куртки был распорот до локтя и затянут узким серым ремнем, пепельное лицо казалось серым от налипшей копоти, но глаза сейдари горели острым охотничьим азартом. За ее спиной, пыхтя и сгибаясь под тяжестью двух кожаных баулов, в комнату протиснулся Лука.

— Если кто-нибудь в этом благословенном городе еще раз скажет мне, что служба в анатомическом покое — это синекура, я скормлю ему его собственную печень, — с порога прохрипел Лука, с грохотом опуская баулы на деревянный настил пола. Он сдернул мокрый берет и яростно взъерошил свои соломенные волосы. — Селена, твоя подруга — сущее исчадие болотных топей. Она заставила меня перерыть тридцать фунтов требухи того красильщика прямо на полу пакгауза, пока стражники зажимали носы за воротами!

— А ты предпочел бы, чтобы внутренности растащили бродячие псы, господин анатом? — невозмутимо парировала Ивейн, прислоняя арбалет к каминной полке. — Тогда мы никогда не узнали бы, чем именно его опоили перед тем, как сломать позвонки.

— И чем же? — Селена мгновенно выпрямилась, забыв о боли в плече.

Лука подошел к столу, бесцеремонно сдвинул в сторону капитанские караульные списки и поставил перед Селеной две широкие стеклянные пробирки, закупоренные сургучом. В одной плескалась мутная желтоватая жидкость с бурыми хлопьями, во второй лежал крошечный, не больше ногтя мизинца, обломок темного камня с неровными сколами.

— В желудке несчастного мыловара — ударная доза винного спирта, смешанного с соком белены и порошком корня аконита, — отчеканил Лука, и его лицо моментально утратило шутовское выражение. — Мужик был в отключке еще до того, как его шею свернули двумя пальцами. Смерть наступила мгновенно, перелом третьего шейного позвонка характерным армейским захватом снизу. Но самое интересное — вот этот камешек.

Адриан наклонился к склянке, нахмутив брови:

— Это не стигма.

— Разумеется, не стигма, — подтвердил Лука, с победным видом глядя на присутствующих. — Стигма растворилась бы в кислоте реторты или сдетонировала. Это серпентинит с включениями самородной сурьмы. Донная порода старых штолен Драконьего Жерла — заброшенных шахт под холмом Святого Леопольда. И этот обломок застрял в протекторе сапога нашего мертвого мастера-красильщика.

— Драконье Жерло? — Селена прищурилась, в ее памяти начали всплывать топографические чертежи города. — Шахты закрыли полвека назад из-за обвалов и прорыва грунтовых эфирных жил. Там уровень остаточной радиации такой, что железо ржавеет за три месяца.

— Идеальное место для тайного перевалочного пункта, — глухо произнесла Ивейн. Сейдари взяла со стола кружку с остатками кофе, сделала глоток и даже не поморщилась от горечи. — Ни городские патрули, ни монахи ордена туда не суются. Считается, что там до сих пор бродят стриги, мутировавшие от дикого эфира. Но пока я шла по следу катера вдоль сточного коллектора, мои птицы принесли весть: в районе заброшенных доков Старой Литейной третью ночь подряд разгружают баржи без опознавательных вымпелов.

— Что везут? — спросил Адриан.

— Свинец, — коротко ответила сейдари. — Тоннами. В свинцовых чушках по двести фунтов каждая. И тяжелое гидравлическое оборудование с клеймами Горного Консорциума. Все это добро сгружают на ручные телеги и увозят прямо в штольни старых литейных цехов.

В комнате повисла тяжелая, гулкая пауза. Треск березового полена в камине прозвучал как выстрел пистолита.

— Они не просто синтезируют кристаллы, — медленно проговорила Селена, чувствуя, как мороз пробегает по спине. — Они строят резонансную камеру прямо под городом. Свинцовая изоляция нужна для того, чтобы удержать колоссальный поток энергии, пока контур не замкнется. А если камера замкнется под холмом Леопольда, в зону охвата попадает весь Ремесленный Низ и половина Верхнего Предела.

— Кауфман знал об этой стройке, — продолжил ее мысль Адриан. — Как главный пробирер, он вел учет всего свинца и очищенного серебра, поступающего с княжеских рудников. Недостачу такого масштаба невозможно скрыть в бухгалтерских книгах. Он либо попытался шантажировать Бранта, либо отказался подписать поддельные ведомости списания металла на укрепление крепостных стен.

— И тогда его устранили с помощью первой опытной капсулы Серой Стигмы, — кивнула Селена. — Проверив технологию в деле и одновременно избавившись от опасного свидетеля.

Лука тяжело опустился на табурет и потер виски грязными от угольной пыли пальцами:

— Прекрасно. Чудовищный заговор, в котором замешаны первые лица государства, тайная лаборатория в радиоактивных катакомбах и перспектива превратиться в сушеные финики для полумиллиона горожан. Капитан, скажите мне как военный человек: сколько у нас есть шансов дожить до следующей недели?

— Если будем сидеть сложа руки — ни одного, — спокойно ответил Адриан. Он поднялся из-за стола, подошел к кованому сундуку в углу комнаты и откинул тяжелую крышку. Внутри ровными рядами лежали запасные клинки, арбалетные ворота и кожаные доспехи усиленного кроя. — Баржи разгружают ночью. Значит, следующая партия прибудет сегодня в полночь с приливом.

Он повернулся к Селене, держа в руках узкий клинок в ножнах из темной шагреновой кожи. Рукоять была обвита тонкой серебряной проволокой, простое стальное перекрестье имело форму капли.

— Ваш кончар остался в пакгаузе, Валлен. Возьмите этот. Клинок тонкий, туринская сталь с добавлением вольфрама. Баланс смещен к острию. Он пробьет даже вываренную кожу с железной чешуей.

Селена приняла оружие. Пальцы привычно сомкнулись на рукояти — клинок лег в руку идеально, словно был выкован специально для нее. Холодный металл отозвался мягким, ровным балансом. Она взглянула в глаза капитана и коротко кивнула:

— Благодарю, Адриан.

— До полуночи у нас есть двенадцать часов, — продолжил капитан, оглядывая свой небольшой отряд. — Ивейн — возвращайся в доки. Установи наблюдение за складами Литейной, но ни во что не вмешивайся. Если увидишь движение — подай сигнал синей ракетой с колокольни Святого Марка.

— Принято, — сейдари проверила натяжение тетивы арбалета, застегнула ворот куртки и, скользнув насмешливым взглядом по Луке, бросила: — Постарайся до вечера не порезаться собственным скальпелем, лекарь. Мне не хотелось бы тратить время на твою перевязку посреди рейда.

— Я скорее ампутрую тебе твой длинный эльфийский язык, дорогая, — окрысился Лука, но в его глазах промелькнула искренняя тревога за разведчицу. — Смотри под ноги в этих доках. Там крысы размером с доброго фокстерьера.

Ивейн лишь фыркнула и растаяла за дверью так же бесшумно, как и появилась.

— Мортен — твоя задача подготовить полевые нейтрализаторы, — приказал Адриан. — Растворы солей свинца, мази от ожогов и побольше полынной вытяжки. Если мы войдем в штольни с высоким эфирным фоном, нам понадобятся дыхательные маски с угольными фильтрами.

— Уже бегу в аптекарский приказ, — Лука подхватил свой пустой саквояж. — Вытрясу из старого скряги Бауэра все запасы активированного торфа, даже если придется пригрозить ему проверкой санитарных норм его наливов.

Когда дверь за прозектором захлопнулась, в комнате снова воцарилась тишина. Огонь в очаге постепенно угасал, оставляя курганы багровых углей. За окном шумел просыпающийся город: скрипели тележные колеса по мостовой, звенели молоты в кузницах, выкрикивали свой товар разносчики горячих лепешек.

Селена подошла к окну, глядя на тяжелые свинцовые тучи, ползущие над островерхими крышами Валь-Рейна.

— Вы понимаете, на что идете, Адриан? — не оборачиваясь, тихо спросила она. — Если мы ошибемся... или если нас перехватят люди Бранта до того, как мы вскроем штольни, Дозорный Корпус объявят мятежниками. Вас лишат дворянства, лишат имени и казнят на площади перед ратушей.

Шаги капитана прозвучали глухо по деревянному полу. Он остановился рядом, глядя в то же окно. Его плечо почти касалось ее плеча, и Селена вновь почувствовала то странное, непривычное для нее ощущение спокойной уверенности, исходившее от этого человека.

— Мое дворянство было получено за кровь на Мертвой Границе, Селена, — негромко ответил он. — Мой дед пахал землю под Карак-Мором, а отец погиб в строю щитоносцев при

прорыве стригов. Я присягал защищать этот город и людей, которые в нем живут, а не жирных магистров, готовых сжечь треть населения ради сохранения своих золотых подвалов.

Он повернул голову, глядя на ее тонкий, бледный профиль, на темные пряди волос, выбившиеся из костяной шпильки, на упрямый изгиб ее губ.

— А вы? Почему вы не уехали из Валь-Рейна после казни отца? С вашими знаниями арканической механики вас с руками оторвали бы в вольных факториях Юга.

Селена горько усмехнулась, не отводя взгляда от соборных шпилей:

— Бегство означает признание вины, Адриан. Отец не был предателем. Он любил этот город больше собственной жизни. Он создал защитные руны для городских стен, разработал систему очистки речной воды... И когда его поволокли на плаху, соседи, которым он чинил часы и лил серебряные кресты, плевали ему в лицо и бросали тухлые кочаны. Я поклялась себе, что очищу его имя. Чего бы мне это ни стоило.

Адриан медленно поднял руку и на мгновение коснулся ее забинтованного плеча. Его пальцы задержались на грубой ткани чуть дольше, чем требовалось для простого товарищеского жеста. В этом прикосновении было столько немногого понимания и глубокого, взрослого уважения, что у Селены перехватило дыхание.

— Мы вернем ему доброе имя, Селена, — твердо произнес он. — Слово офицера Лорана.

И в этот момент, глядя в его янтарные глаза, полные непоколебимой честности, Селена впервые поверила, что прошлое действительно можно победить.

Полночь накрыла город плотным, удушливым саваном тумана. Река Элира катила свои черные, маслянистые воды вдоль полуразрушенных набережных Старой Литейной, с глухим плеском ударяя в гнилые сваи причалов. В воздухе стояла мертвая, противоестественная тишина: ни лая сторожевых псов, ни пьяных криков из припортовых таверн — жители трущоб инстинктивно чувствовали беду и сидели по своим каморкам, наглухо заперев ставни.

Четверо крались вдоль каменной стены заброшенного литейного цеха. Все были одеты в глухие темные куртки без блестящих металлических деталей, лица скрывали маски из плотной холстины с угольной пропиткой. В руках Селены тускло поблескивал индикаторный жезл с кристаллом дымчатого кварца на конце — арканический компас, реагирующий на градиент плотности эфирного поля.

Впереди, у самой кромки воды, темнела тяжелая плоскодонная баржа. Без фонарей, без опознавательных знаков. По широким деревянным сходням дюжина дюжих людей в кожаных безрукавках молча, размеренно перекачивала массивные деревянные клетки на колесные телеги. Движения грузчиков были странно синхронными, неестественно плавными, словно у заводных механизмов.

— Взгляните на них, — прошептала Селена, наклоняясь к самому уху Адриана. — Это не наемники.

Капитан пригляделся через пролом в кирпичной кладке. В слабом свете луны, пробивавшейся сквозь тучи, лица грузчиков казались серыми масками с остекленевшими, неподвижными глазами. На шее каждого из них темнел широкий медный ошейник, от которого вдоль позвоночника тянулась тонкая металлическая цепочка, уходящая под одежду.

— Гомункулы? — сдавленно выругался Лука, сжимая в руке склянку с концентрированной кислотой. — Или марионетки под эфирной уздой?

— Узники Башни Еретиков, — холодно процедила подошедшая сзади Ивейн. — Те, кого официально признали погибшими на рудниках. Их волю выжгли ментальными иглами, превратив в живой тягловый скот. Брант не оставляет свидетелей даже среди чернорабочих.

— Куда ведут рельсы? — спросил Адриан.

— Вон в те кованые ворота в склоне холма, — Ивейн указала на массивную арку, наполовину скрытую зарослями дикого плюща и кучами шлака. — Это вход в дренажную штольню номер четыре. Туда завели уже шесть телег.

— Селена, что показывает кварц? — капитан повернулся к девушке.

Селена взглянула на кристалл на конце жезла. Дымчатый кварц светился изнутри глубоким, тревожным багровым огнем, грани камня мелко вибрировали, издавая едва слышный зудящий звук.

— Плотность фона зашкаливает, — тихо ответила она. — Там, в глубине штольни, работает активный накопитель. Если мы не перережем цепь питания до того, как они закончат разгрузку последнего свинцового блока, установка выйдет на режим самоподдерживающегося резонанса.

— План простой, — Адриан вытащил меч из ножен, клинок скользнул без единого звука. — Ивейн снимает караульного над аркой. Мортен — остаешься у входа, готовишь заземляющие заряды и перекрываешь выход серными шашками на случай погони. Мы с Селеной идем внутрь, находим центральный распределитель и выводим его из строя.

— Опять самое веселье без меня, — проворчал Лука, но покорно достал из баула связку фитилей. — И помните: если вас там зажмут, я подорву входной свод через двадцать минут. Лично мне перспектива кормить подземных тварей не улыбается.

— Договорились, — Адриан посмотрел на Селену. — Готовы?

Она молча проверила ход туринского клинка в ножнах и затянула тесемки дыхательной маски на переносице:

— Пошли.

Ивейн метнулась вперед, взведя арбалет на ходу. Короткий хлопок тетивы — и фигура в черном балахоне, дежурившая на уступе над аркой, без звука рухнула в заросли плюща. Путь был открыт.

Штольня встретила их сырым, удушливым жаром и гулким, низким гулом, от которого вибрировали кости черепа. Стены тоннеля, выбитые в гранитном массиве, были укреплены мощными дубовыми балками, оплетенными толстыми медными канатами. По полу тянулись чугунные рельсы, покрытые маслянистой пленкой. Воздух здесь был настолько насыщен эфирными испарениями, что дыхательный фильтр маски начал нагреваться уже через сотню шагов.

Они двигались перебежками от одной крепости к другой, огибая застывшие пустые телеги. Зомбированные рабочие двигались механически, не обращая внимания на тени, скользящие вдоль стен — их затуманенные глаза видели только рельсовый путь и команды, постукавшие через медные ошейники.

Тоннель расширился, открывая гигантский подземный зал — старую плавильную камеру времен Первого Разлома. Высота сводов достигала двадцати локтей, с потолка свисали массивные железные цепи, на которых когда-то крепились разливочные ковши.

Но сейчас центр зала занимало нечто иное.

На массивном постаменте из черного гранита высилась цилиндрическая конструкция диаметром в тридцать шагов. Внешний ее контур был выложен толстыми свинцовыми блоками, между которыми змеились серебряные шины, сходясь к центральному вертикальному столбу из полированного кварца. Внутри кварцевого цилиндра, взвешенный в маслянистой прозрачной жидкости, медленно вращался правильный октаэдр размером с человеческую голову. Он переливался всеми оттенками пепельного и сизого, пульсируя тяжелым, гипнотическим светом.

— Великие Разломы... — выдохнула Селена сквозь маску. — Главное ядро Серой Стигмы. Они вырастили его целиком.

— А вот и наш пропавший секретарь, — глухо произнес Адриан, указывая на помост над установкой.

Там, у сложного медного пульта с рычагами и манометрами, стоял человек. Это был молодой мужчина в изодранном чиновничьем сюртуке, но его движения не имели ничего общего с неуклюжестью кабинетного писца. Лицо Корнелия Таубе было искажено безумной, восторжен-

ной гримасой, из носа и ушей сочились тонкие струйки запекшейся крови — признак тяжелой эфирной интоксикации головного мозга.

— Еще три блока! — орал он в пустоту зала, срывая голос до хрипа. — Замыкайте нижний контур! Магистр ждет стабилизации к третьему колоколу!

Вокруг помоста застыли шестеро бойцов в глухих закрытых шлемах и кирасах с выбитыми рунами экранирования — личная гвардия Хранителя Архивов.

— Если мы перебьем охрану, он успеет повернуть главный рубильник, — быстро оценила обстановку Селена, прижимаясь к гранитному выступу. — Произойдет аварийный сброс, и вся накопленная масса энтропии выплеснется в тоннели. Мы сторим за секунду.

— Что нужно сделать? — коротко спросил Адриан.

— Видите вон ту медную шину заземления под помостом? Она соединяет кварцевый цилиндр с нижним резервуаром солей. Если перерубить ее, резонанс пойдет по малому кругу и замкнется на сам пульт управления. Машина захлебнется собственной отдачей.

Адриан оценил расстояние — сорок шагов открытого пространства под прицелом рунных стрелометов охраны.

— Я отвлеку гвардию на себя, — спокойно сказал он, перехватывая меч обеими руками. — Прорвусь к помосту по центральному пандусу. Как только они стянутся ко мне — вы скользите под настил и рубите шину. У вас будет не больше десяти секунд.

— Адриан, их шестеро, и они в тяжелой броне, — Селена схватила его за локоть, ее пальцы судорожно впились в ткань его рукава. — Это безумие.

Адриан посмотрел на нее сквозь прорези своей маски. В его взгляде не было страха — только спокойная, безжалостная решимость солдата, знающего цену своей жизни и жизни тех, кто стоит за его спиной. Он накрыл ее пальцы своей тяжелой ладонью в стальном наруче:

— Верьте мне, Селена. Мы выберемся отсюда вместе. Приготовьте клинок.

Он не стал дожидаться ответа. Одним мощным толчком капитан вылетел из-за укрытия, с оглушительным боевым кличем Дозорного Корпуса бросаясь прямо на шеренгу гвардейцев Бранта.

— Тревога! — взвизгнул Таубе на помосте. — Убейте его!

Сталь ударила о сталь. Адриан врубился в строй врагов, как таран. Первый гвардеец рухнул с разрубленной ключицей прежде, чем успел поднять щит. Капитан крутил тяжелый меч с чудовищной силой и скоростью, отбивая удары алебард и оттесняя оставшихся пятерых к основанию пандуса.

Селена не теряла ни доли секунды. Пригнувшись к самому полу, она метнулась в тень под помостом. Едкий запах озона забивал ноздри даже сквозь угольный фильтр. Вот она — толстая, в два пальца толщиной медная шина, гудящая от колоссального напряжения.

Она выхватила туринский клинок. Но разрубить сплошную медь обычным ударом было невозможно — металл просто спружинит.

Селена закрыла глаза. Вспомнила уроки отца. Металл — это не мертвое железо. Металл — это застывшее кристаллическое напряжение. Найди линию сдвига решетки.

Она приложила лезвие к основанию шины и пустила по меридианам руки короткий, контролируемый импульс внутреннего холода — обратную отдачу, меняющую кристаллическую структуру меди, делая ее хрупкой, как перекаленное стекло. Руку мгновенно обожгло дикой болью, пальцы побелели, но она не отпустила рукоять.

— Лоран! Назад! — закричала она, вкладывая весь остаток сил в удар ногой по обуху клинка.

Раздался оглушительный, сухой звон, похожий на расколовшийся колокол. Медная шина брызнула сотнями светящихся осколков. Цепь разорвалась.

В ту же секунду гигантский октаэдр внутри цилиндра взвыл на ультразвуковой частоте. Синий свет сменился ослепительно-белым. Вся накопленная мощь эфирного ядра ударила

обратно в пульт управления. Таубе закричал, когда медные рычаги в его руках мгновенно раскалились добела, превращая его плоть в обугленные ошметки. Помост содрогнулся и с грохотом обрушился вниз, увлекая безумного секретаря в кипящую массу солевого раствора.

— Бежим! — раздался над ухом яростный голос Адриана.

Он подхватил полуобморочную Селену поперек талии, буквально срывая ее с места. Своды штольни начали рушиться, стопудовые гранитные глыбы с грохотом падали позади них, поднимая тучи ядовитой известковой пыли. Оставшиеся в живых гвардейцы метались в панике, заживо погребаясь под завалами.

Они летели по темному тоннелю, задыхаясь, спотыкаясь о брошенные телеги. Адриан тяжело хрипел — его старая рана в легком давала о себе знать под чудовищной нагрузкой, но он не замедлял шага ни на мгновение, закрывая девушку своим телом от летящих каменных осколков.

Впереди забрезжил тусклый свет входа. В проломе арки стоял Лука, яростно размахивая зажженным факелом:

— Сюда! Быстрее, свод оседает!

Они выкатились из жерла штольни в сырую грязь речного берега за секунду до того, как входная арка с оглушительным ревом сложилась внутрь, похоронив под тысячами тонн гранита и свинца тайную лабораторию Хранителя Архивов.

Над рекой повисла глухая, звенящая тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием четверых людей и мерным плеском черной воды.

Селена лежала на мокрой траве, сорвав опостылевшую маску. Ее легкие жадно хватали холодный ночной воздух. Рядом на коленях стоял Адриан, сжимая окровавленный меч. Его лоб был рассечен каменным сколом, кровь заливала левую бровь, но в его янтарных глазах, устремленных на нее, сквозь боль и смертельную усталость сияло безграничное, чистое торжество.

— Живы... — с трудом выдохнул Лука, плюхаясь на землю рядом с ними и роняя факел в лужу. — Клянусь всеми чертями преисподней, мы живы.

Ивейн молча опустила арбалет и впервые за всю ночь слабо, едва заметно улыбнулась уголками тонких губ.

Адриан протянул руку и осторожно стер полосу копоти с бледной щеки Селены. Его пальцы слегка дрожали — не от страха, а от колоссального нервного перенапряжения.

— Вы сделали это, Селена, — тихо сказал он.

— Мы сделали это, капитан, — ответила она, накрывая его ладонь своей здоровой рукой.

— Но это был только один узел цепи. Завтра Брант узнает, что его лаборатория уничтожена. И тогда начнется настоящая охота.

Глава 5

Глава 5. Протокол вскрытия

Анатомический покой при госпитале Святого Иуды располагался глубоко под землей, в сырых сводчатых подвалах бывшей монастырской крипты. Здесь царил вечный полумрак, рассекаемый лишь тусклым желтым пламенем масляных ламп в проволочных сетках да бледным, стеклянным мерцанием кристаллов люминофора над цинковыми столами. Воздух в этом месте был тяжелым, слоистым и въедливым: острый дух карболовой кислоты и можжевелевой смолы безуспешно боролся со сладковатым, холодным запахом тления и влажного известняка. Город наверху жил своей суетной, шумной жизнью, но сюда, сквозь четыре фута кладбищенского камня, не доносился ни один уличный звук.

Дверь из просмоленного дуба, обитая по краям толстым войлоком для глушения звуков, с сухим скрипом захлопнулась за ними. Лука первым сбросил на дубовую скамью тяжелый кожаный саквояж, остервенело сорвал с лица перепачканную сажей маску и шумно перевел дыхание. Его лоб блестел от пота, тонкие пальцы заметно подрагивали, но взгляд оставался лихорадочно-деятельным.

— Засов! Задвиньте нижний засов, капитан, — хрипло бросил прозектор, стягивая мокрый плащ и швыряя его в угол на груды тряпья. — Если судебские ищейки Восса явятся сюда до того, как я закончу химический смыв, мы все закончим свои дни на виселице за осквернение усопших и государственную крамолу. А я, признаться, питаю глубокое профессиональное отвращение к веревочной петле: перелом подъязычной кости — крайне неэстетичное зрелище.

Адриан молча опустил тяжелую кованую балку в пазы, отрезая подземелье от внешнего мира. Лицо капитана было серым от вьевшейся каменной пыли, на рассеченном виске запеклась темная корка крови, склеившая пряди волос. Он тяжело привалился плечом к влажной известковой стене, прикрыв глаза. Под плотной тканью его серого колета вздымалась широкая грудь — дыхание было неровным, с легким свистящим хрипом в нижней доле правого легкого, где старый осколок эфирной шрапнели реагировал на ледяную сырость штолен.

— Сначала живые, Мортен, — негромко, но с железной непрекращаемостью произнес Адриан, открывая глаза. Его янтарный взгляд мгновенно нашел Ивейн. Сейдари стояла у каменного умывальника, безуспешно пытаясь одной рукой разрезать налипшую на рану ткань рукава. — Займись лейтенантом. У нее глубокий порез от рунного клинка гвардейцев.

— Сама справлюсь, — процедила Ивейн сквозь зубы. Ее пепельное лицо оставалось бесстрастным, но тонкие вертикальные зрачки расширились от боли, почти вытеснив золотистую радужку. Тонкие струйки темной крови продолжали сочиться из-под импровизированной перевязки, капая на мокрые плиты пола.

— Заткнись, лесная кошка, и садись на табурет, — огрызнулся Лука, натягивая на руки тонкие перчатки из вываренной телячьей кожи. Его тон был грубым, но движения, с которыми он извлек из стеклянного шкафа банку с желтоватой мазью, серебряные щипцы и изогнутую иглу с шелковой нитью, выдавали безупречного хирурга. — Рунный клинок оставляет микроскопические частицы заговоренной меди. Если я не вычищу этот свищ прямо сейчас, через три часа у тебя начнется арканический некроз, и мне придется отпилить тебе руку по самое плечо своей лучшей пилой для костей.

— Рискуй только коснуться меня своей пилой, знахарь, — прошипела Ивейн, однако покорно опустилась на низкий табурет под лампой и позволила Луке разрезать воцеленный рукав куртки. — Я заставлю тебя сожрать ее без соли.

— О, несомненно. С твоей стороны это будет верх любезности, — ядовито парировал Лука, склоняясь над раной. Его пальцы, только что дрожавшие от пережитого страха, в ту же

секунду обрели абсолютную, ледяную устойчивость. — А теперь не дергайся. Будет жечь так, словно тебя лизнул огненный саламандр.

Он щедро плеснул в открытый порез концентрированный раствор спирта с добавлением квасцов. Ивейн резко втянула воздух сквозь плотно сжатые зубы, ее пальцы судорожно впились в край деревянного анатомического стола, оставив на дубе глубокие вмятины от ногтей. На ее виске вздулась тонкая синеватая жилка, но ни единого стога не сорвалось с ее губ. Лука, не поднимая глаз от раны, ловко орудовал серебряными щипцами, извлекая крошечные, блестящие крупички чужеродного металла.

— Терпеливая, надо же, — негромко пробормотал он, и в его голосе сквозь привычный сарказм впервые пробилось искреннее, почти благоговейное восхищение. — Другой на твоём месте уже орал бы благим матом на весь приход.

— Сейдари не кричат перед людьми, — выдохнула она, глядя на его склоненную голову. Ее желтоватые глаза внимательно, без прежней неприязни изучали тонкие черты лица лекаря, его растрепанные светлые волосы и упрямо сжатые губы. — Особенно перед теми, кто пахнет трупным воском и полынью.

— Зато этот трупный воск спасет твою шкуру от гангрены, неблагодарная, — буркнул Лука, быстро и точно накладывая ровные, мелкие швы. Когда игла в последний раз пронзила серую кожу, он на мгновение задержал свои пальцы на ее предплечье чуть дольше, чем требовалось для наложения повязки. Их взгляды встретились на расстоянии нескольких дюймов — на долю секунды в пространстве между ними проскочила не холодная колкость, а горячее, острое электричество взаимного признания. Лука сглотнул, резко отвел глаза и принялся туго бинтовать руку льняной лентой. — Все. До вечера лук в руки не брать, если не хочешь разойтись по швам.

— Спасибо, — едва слышно, одним шепотом бросила Ивейн, опуская перевязанную руку и поспешно отворачиваясь к тени у стены.

Селена наблюдала за этой сценой, слабо улыбнувшись уголком губ. Но усталость и собственная боль быстро вернули ее к реальности. Она опустилась на грубый деревянный ларь у камина, чувствуя, как левая сторона шеи и плечо снова наливаются тяжелой, пульсирующей свинцовой болью. Камфорная мазь переставала действовать, и холод отдачи от разбитой медной шины начинал расплзаться по грудной клетке.

Рядом послышались тяжелые шаги. Адриан подошел к ней, держа в руке жестяную кружку с чистой ключевой водой и мокрое полотно. Он опустился на одно колено прямо на холодные плиты, оказавшись на одном уровне с ее лицом.

— Позвольте, — негромко произнес он. Это была не команда офицера — спокойная, уважительная просьба.

Селена не стала сопротивляться. Она откинула назад густые пряди волос, обнажая шею и край воротника. Адриан осторожно, едва касаясь кончиками огрубевших пальцев пылающей кожи, расправил края влажной ткани на ее обожженной ключице. Прохлада чистой воды мгновенно сняла первый жар.

— У вас тонкие жилы, Селена, — тихо сказал он, вглядываясь в синеватый контур сосудов, просвечивающих сквозь бледную кожу. — Мой отец говорил, что с такой проводимостью рождаются только великие огранщики или мертвецы. Вы слишком рискуете собой.

— Если бы я не разорвала ту цепь, Адриан, мы бы оба сейчас лежали в виде спекшейся стекловидной массы на дне штольни, — ответила она, глядя ему прямо в глаза. Расстояние между ними было крошечным: она видела каждую золотистую крапинку в глубине его янтарных зрачков, чувствовала ровный, спокойный ритм его дыхания и тепло, исходившее от его плеч. — И вы рисковали не меньше, когда вышли один против шестерых гвардейцев.

— Это моя работа, — просто ответил капитан. — Я учился держать строй на Мертвой Границе. Там, если щитоносец колеблется хотя бы секунду, твари прорывают фланг и вырезают весь обоз. Здесь, в городе, законы войны те же самые, только грязи больше.

Он на мгновение замолчал, его пальцы чуть дрогнули, поправляя компресс у основания ее шеи. Селена заметила, как он непроизвольно прижал левую ладонь к собственным ребрам с правой стороны, подавляя короткий спазм в легких.

— Ваша рана, — тихо произнесла она, указывая взглядом на его грудь. — Осколок все еще там?

Адриан горько усмехнулся и расстегнул верхние пуговицы серого колета. На его широкой, покрытой шрамами груди, прямо под ключицей, темнел страшный, глубокий рубец — рваная звездчатая воронка, от которой во все стороны расходились тонкие темно-синие линии, словно под кожу загнали ветви мертвого дерева. Это был след прямого попадания арканического фугаса — оружия, запрещенного всеми конвенциями Семи Разломов.

— Кристалл разорвался в пяти шагах от меня три года назад, во время зачистки пограничного редута, — негромко рассказал он. — Полевые хирурги вытащили большую часть осколков, но один крошечный зубец застрял слишком близко к легочной артерии. Если его попытаться вырезать обычным скальпелем, я захлебнусь собственной кровью за две минуты. Поэтому он живет со мной. В сырость и при высокой плотности эфира он начинает вибрировать, напоминая о себе.

Селена, повинувшись внезапному, непреодолимому душевному порыву, подняла свою здоровую правую руку и осторожно, едва ощутимо коснулась кончиками пальцев края его старого шрама. Кожа Адриана под ее ладонью была горячей, жесткой от бесчисленных тренировок, но под ее пальцами капитан на мгновение замер, словно от неожиданного удара. Его дыхание перехватило, взгляд потемнел.

— Он сделан из турмалинового стекла, — прошептала Селена, чувствуя под подушечками пальцев легкое, почти неуловимое покалывание арканического резонанса. — Если использовать раствор азотнокислого висмута с вытяжкой из корня мандрагоры, можно растворить поверхностную пленку и снять воспаление меридиана. Мой отец лечил таких раненых после подавления восстания рудокопов. Я приготовлю для вас этот состав, Адриан.

Адриан медленно накрыл ее ладонь своей широкой, мозолистой рукой. Его пальцы были теплыми и надежными. Он не сжал ее руку слишком сильно, но в этом неторопливом, бережном жесте сквозило такое глубокое, неприкрытое доверие, от которого у Селены перевернулось что-то в груди. Десять лет она привыкла быть изгоем, объектом презрения и страха. Ни один мужчина в этом городе не смотрел на нее так — как на равную, как на драгоценность, которую защищают ценой собственной жизни.

— Спасибо, Селена, — негромко произнес он, и в его низком голосе прозвучала незнакомая прежде бархатная мягкость. — Но сначала мы должны выжить в этой ночи.

Он плавно поднялся на ноги, не выпуская ее ладонь до последнего мгновения, пока их пальцы медленно не разомкнулись.

— Мортен! — Адриан повернулся к прозекторскому столу, мгновенно вернув себе собранный вид командира. — Пора заняться тем, ради чего мы сюда пришли.

Лука уже разложил на длинном оцинкованном столе инструменты: тяжелые секционные ножи с широкими лезвиями, тонкие костные щипцы, фарфоровые чашки для реактивов и ряд узких пробирок в деревянном штативе. В центре стола, на решетчатом лотке, покоилось тело красильщика из пакгауза, доставленное сюда часом ранее под видом безымянного утопленника из речного канала. Рядом, на куске парусины, лежали трофеи из разрушенной штольни: обломок расплавленной медной шины, пригоршня серого пепла со дна разбитого кварцевого цилиндра и тяжелая латунная деталь сложной формы — обломок поворотного клапана, который Ивейн успела сорвать с разбитой платформы перед самым обвалом.

Селена натянула перчатки, подошла к столу и глубоко вдохнула резкий запах спирта, прогоняя остатки наваждения. Профессиональный инстинкт криминалиста мгновенно вытеснил личные переживания.

— Начнем с легких красильщика, — сказала она, беря в руки узкий ланцет. — Если он находился в пакгаузе во время созревания первого кристалла, в альвеолах должны остаться микроскопические следы сублимации.

Лука сделал глубокий продольный разрез грудной клетки. Металл сухо заскрипел о реберные хрящи. С помощью костных щипцов он аккуратно развел ребра, обнажая внутренние органы. Селена зажгла ручную спиртовую горелку, пинцетом извлекла крошечный фрагмент легочной ткани и опустила его в чашку с прозрачным раствором хлорида бария.

Жидкость мгновенно закипела без всякого внешнего подогрева. Раствор окрасился в глубокий фиолетовый цвет, а на дно чашки выпал плотный, творожистый осадок белесо-зеленоватого оттенка.

— Реакция на тяжелые соли сурьмы и эфирного дегтя, — констатировала Селена, наклоняясь над чашкой с увеличительным стеклом в медной оправе. — Но посмотрите на структуру хлопьев. Они не аморфные. Они кристаллизуются в правильные шестигранные призмы.

— Слезы василиска, — сдавленно проговорил Лука, и его лицо вытянулось от изумления. — Великие Разломы, Селена! Это же желчь стеклобрюха! Чистейший фермент, растворяющий силикаты!

— Именно, — подтвердила она, поднимая глаза на Адриана. — Вот чем они стабилизировали синтетическое ядро. Стеклобрюхи водятся только в одном месте на всем континенте — на восточных склонах Серых Уступов, в закрытых охотничьих угодьях правящего дома. Охота на них карается смертной казнью, а добыча фермента находится под строжайшей монополией княжеской палаты мер и весов.

— И монополией этой заведует лично архиепископ и его доверенные лица, — мрачно попытожил Адриан, скрестив руки на груди. — Круг замыкается. Брант не просто ворует сырье — он использует государственные резервы высшей секретности.

— Но это еще не все, — раздался холодный голос Ивейн. Сейдари подошла к столу, держа в здоровой руке латунную деталь клапана, сорванную с разбитой установки. — Посмотрите на маркировку вот здесь, под масляной пленкой.

Селена взяла кусок металла, смочила ветошь в скипидаре и тщательно протерла плоскую грань детали. Под слоем нагара и графитовой смазки проступило четкое, глубокое клеймо: шестерня с двенадцатью зубцами, внутри которой были выбиты литеры *«О.М. — Валь-Рейн»* и серийный номер *«44-Б»*.

В анатомическом покое повисла ледяная, звенящая тишина.

— Огюст Маршан, — медленно, по слогам произнесла Селена, чувствуя, как внутри все холодеет. — Старший мастер Гильдии Механиков и Часовщиков. Создатель курантов городской ратуши и... единственный живой человек, который проектировал систему шлюзов и насосов Валь-Рейна вместе с моим отцом.

— Боги праведные... — прошептал Лука, нервно теребя рукав фартука. — Кауфман отвечал за пробу и поставки стигмы. Маршан отвечает за всю механику города — от водоотводных каналов до подъемных мостов цитадели. Если Бранту нужны были узлы для гигантской резонансной камеры, изготовить их мог только Маршан!

— Или Маршан был следующим в списке, — резко отрезал Адриан. — Кауфмана устранили, когда он выполнил свою часть работы по калибровке слитков. Если установка в штольнях строилась по чертежам Маршана, то старый механик — последний свидетель, способный связать конструкцию с Архивами. Его жизнь не стоит сейчас и ломаного гроша.

— Мы должны немедленно отправить к нему патруль, — начала Селена, но договорить не успела.

Сверху, со стороны тяжелой входной двери крипты, донесся резкий, троекратный металлический удар. Кто-то яростно колотил в дубовые доски тяжелым железным набалдашником судейской трости.

— Откройте именем Закона и Судебного Сыска! — раздался приглушенный толстым войлоком, но безошибочно узнаваемый визгливый голос старшего дознавателя Герарда Восса. — Помощник прозектора Мортен, немедленно отоприте двери, или мы выломаем их стенобитным брусом!

Лука побледнел как полотно, судорожно оглядываясь по сторонам в поисках места, куда можно было бы спрятать рассеченное тело красильщика и запрещенные обломки установки.

— Началось... — пробормотал он, хватаясь за голову. — Это Восс. С ним судебные приставы. Если они войдут и увидят это — нас привяжут к столбам прямо на площади.

— Спокойно, — не повышая голоса, скомандовал Адриан. Его янтарные глаза вспыхнули холодным, расчетливым пламенем. Он повернулся к Ивейн: — Лейтенант, затуши центральную лампу. Оставь только боковой фосфорный кристалл. Селена — спрячьте записи и склянки с желчью василиска в нижний дренажный колодец под полом.

Селена среагировала мгновенно. Сметя пробирки и записи Луки в брезентовую сумку, она опустилась на колени в дальнем углу крипты, сдвинула тяжелую чугунную плиту водостока и опустила сверток в сухую нишу над уровнем сточных вод. Плита легла на место без единого звука.

Удары в дверь повторились с удвоенной силой, послышался металлический скрежет ломов о гранитный косяк.

— Открывай, Лука, — тихо приказал капитан, становясь прямо перед секционным столом и расправляя плечи. Его меч оставался в ножнах, но латная рукавица привычно легла на эфес.

Лука глубоко вздохнул, натянул на лицо маску затравленного, сонного чиновника и, шаркая ногами по плитам, подошел к двери. С громким стуком он отодвинул тяжелый засов и распахнул створку.

В подвал ворвался вихрь холодного воздуха, пахнувший дождем и горящими факелами. В проеме стоял Герард Восс. Его темно-вишневая мантия была перепачкана уличной грязью, глаза лихорадочно блестели, а за его спиной теснились шестеро судейских приставов в железных шлемах, с заряженными арбалетами и короткими дубинками.

— Какое право вы имеете ломиться в анатомический покой посреди ночи, господин Восс? — с великолепно разыгранной истеричной ноткой в голосе взвизгнул Лука, загораживая проход своим тщедушным телом. — Здесь действует строжайший карантинный режим! В городе вспышка болотной гнилостной горячки, а вы тащите сюда вооруженную стражу без защитных масок!

— Оставьте свои басни для шлюх из Нижнего Города, Мортен! — брезгливо оттолкнул его тростью Восс, вваливаясь в подвал. — У меня чрезвычайный ордер за личной печатью Хранителя Архивов и конклава судей! Нам поступил донос, что Дозорный Корпус доставил сюда тело неизвестного государственного преступника, убитого при незаконном рейде на красильни!

Восс сделал пять быстрых шагов вперед и резко замер. Из полумрака крипты навстречу ему выступила массивная фигура капитана Лорана.

— Вы ищете меня, дознаватель? — ледяным тоном осведомился Адриан. В полутьме подземелья его высокий рост и тяжелые стальные доспехи производили подавляющее впечатление. Приставы за спиной Восса невольно замедлили шаг, опуская наконечники арбалетов к полу.

— Капитан Лоран... — Восс нервно дернул щекой, но тут же оправился, сжимая в кулаке свиток с красной сургучной печатью. — Вы превысили свои полномочия! Ночной взрыв в

штольнях Драконьего Жерла квалифицирован Малым Советом как акт вооруженного мятежа! Все свидетели, тела погибших и вещественные доказательства подлежат немедленной передаче в распоряжение Особой Следственной Палаты!

— Покажите мне подпись городского прево на вашем ордере, господин Восс, — Адриан даже не взглянул на пергамент.

— Прево находится на Северном Вале! В его отсутствие ордер подписан Хранителем Архивов, магистром Брантом!

— А по Статуту Вольного Города Валь-Рейн, статья сорок седьмая, параграф третий, — раздался из-за плеча капитана спокойный, ясный женский голос, — во время отсутствия прево высшей судебно-следственной властью в отношении тел, имеющих следы арканических поражений, обладает исключительно дежурный эксперт Судебного Сыска. То есть я.

Селена вышла на свет лампы. Ее волосы были аккуратно убраны, взгляд серых глаз был абсолютно тверд и холоден. Она подошла к столу, на котором лежало вскрытое тело красильщика, и взяла в руки длинную стеклянную пипетку с темной жидкостью.

— Вы хотите забрать это тело, господин дознаватель? — с вежливой улыбкой спросила она, подходя к Воссу на расстояние двух шагов. — Извольте. Но я обязана официально предупредить вас под протокол: в тканях погибшего обнаружен возбудитель летучей эфирной чумы третьей стадии. Труп вскрыт. Концентрация миазмов в воздухе превышает критическую норму. Если вы или ваши люди прикоснетесь к нему без освященного серебряного саркофага, через двадцать четыре часа ваша кожа начнет отслаиваться пластами, а почки превратятся в черный песок. Лука, подай господину Воссу протокол для подписи о принятии биологической ответственности.

Лука с готовностью выхватил из-под стола исписанный лист и с поклоном протянул его дознавателю.

Восс отшатнулся назад так резко, что наступил на ногу собственному приставу. Его лицо приобрело зеленоватый оттенок, глаза с ужасом уставились на зияющую рану на груди мертвеца, откуда поднимался легкий пар от спиртового раствора.

— Вы... вы лжете, Валлен! — задыхаясь от страха и бешенства, выкрикнул он, прижимая надушенный платок к носу. — Вы покрываете бунтовщиков!

— Проверьте сами, господин дознаватель, — холодно предложил Адриан, сделав шаг вперед и положив руку на рукоять меча. — Возьмите образцы лично. Или прикажите своим арбалетчикам упаковать труп голыми руками. Чего же вы ждете?

Приставы за спиной Восса дружно попятились к дверям. Ни один из них, даже под страхом виселицы, не собирался прикасаться к телу, пораженному «эфирной чумой».

— Мы... мы вернемся с комиссией Архиепископии и отрядом ликвидаторов в свинцовых доспехах! — брызжа слюной сквозь платок, прошипел Восс. — Здание опечатать снаружи! Никого не выпускать под страхом смерти! Вы все сгниете на рудниках за этот саботаж, Лоран! Все до единого!

Дознаватель выскочил из крипты, увлекая за собой перепуганных стражников. Тяжелая дубовая дверь с грохотом захлопнулась, снаружи послышался лязг накладываемых цепей и стук молотков, вбивающих железные скобы в косяк.

В подвале снова воцарилась тишина. Лишь мерно шипело пламя в спиртовке.

— Пречистая Дева... — Лука сполз по стене на пол, утирая пот со лба рукавом. — «Летучая эфирная чума»... Селена, ты гений чистой воды. Я сам чуть не поверил, что сейчас покроюсь струпами.

— Это выиграло нам от силы два часа, — Селена повернулась к Адриану, ее лицо вновь стало предельно серьезным. — Восс добежит до резиденции Бранта за двадцать минут. Когда магистр поймет, что мы блефуем, сюда пришлют не приставов, а штурмовую роту с огнеметами, чтобы сжечь крипту вместе со всеми нами и списать все на санитарную зачистку.

— Нас здесь не будет, — спокойно ответил Адриан. Он подошел к дальней стене крипты, где за ветхим гобеленом с изображением Страшного Суда темнела низкая каменная арка, заложенная сухой кирпичной кладкой без раствора. — Старый дренажный ход монахов-доминиканцев. Он ведет прямо в подвалы Часового квартала, к набережной мастеров.

Он повернулся к отряду, и в его янтарных глазах горела непреклонная воля командира, ведущего людей в решающую атаку:

— Ивейн — бери арбалет и прикрывай отход. Лука — упаковывай все образцы и реактивы в походные сумки, мы сюда больше не вернемся. Селена...

Он подошел к ней вплотную и посмотрел прямо в глаза:

— Мы идем к Огюсту Маршану. Если мы не успеем предупредить старого часовщика до того, как к нему придут палачи Бранта, город обречен.

Селена крепче перехватила рукоять туринского клинка на поясе и коротко, уверенно кивнула:

— Я знаю потайной вход в его мастерскую через колокольню. Ведите, капитан.